

18+

Дмитрий Грознов

**ПЕСНЬ КРОВИ.
КНИГА ПЕРВАЯ.
ЖЕЛЕЗНЫЙ КУЛАК**

Дмитрий Грознов

**Песнь Крови. Книга
первая. Железный кулак**

«Издательские решения»

Грознов Д.

Песнь Крови. Книга первая. Железный кулак / Д. Грознов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-680162-2

Трое героев, фермеров, посещают праздник первого дня урожая. Джеймс, Артэн и Зари прибывают в деревню Кондина, но не развлечений ради. Необъяснимый голос внутри их сердец ведёт группу к началу их приключений. Но желания быть Героями, помогать нуждающимся, чтобы однажды выступить против несправедливости, прерываются раньше, чем успевают начаться. Рабство в клане Железного Кулака — это череда страданий, боли и лишений. Самых сильных рабов назначают в гладиаторы. Ими и становятся Джеймс и Артэн.

ISBN 978-5-00-680162-2

© Грознов Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Праздник Жизни	6
Глава 2. Скверный Урожай	24
Глава 3. Путешествие не туда	32
Глава 4. Свежая Кровь	44
Глава 5. Отчий Дом	52
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Песнь Крови. Книга первая. Железный кулак

Дмитрий Грознов

© Дмитрий Грознов, 2025

ISBN 978-5-0068-0162-2 (т. 1)

ISBN 978-5-0068-0163-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Праздник Жизни

Они остановились под деревом. Трое путников, три неразлучных друга. Вернее, два из них. Стройный Джеймс. И на голову выше первого Артэн. А с ними, хрупкая Зари. Ветви дерева над ними образовывали пышную шапку. Небольшой ветерок перебирал в своих руках сочные, зелёные листья. Они игриво шуршали, наполняя летнее стрекотание кузнечиков мелодичным фоном.

Все трое были молоды и полны сил, самостоятельны и способны отвечать за любые свои действия, но считались слишком юными, чтобы покинуть родительский дом. Джеймс – высокий и стройный парень, с прямой осанкой. Волосы чёрные, словно уголь, растопыренные в разные стороны. Глаза ярко зелёные, строгий подбородок, идеально прямой нос, вызывающие скулы и небольшая родинка под правым глазом. Джеймс фермер, как и большинство южан. Его тело обладало гармоничной мускулатурой, симметричными кубиками пресса и вытянутыми бицепсами как у пловца. Парень носил кожаную безрукавку на пуговицах, вздутые штаны и коричневые сапоги с застёжками.

Джеймс был центром. Этой компании и многих других. Такой вот он – притягательный. Людям нравилось в его обществе, несмотря на то что он вовсе не был душкой. И не был словоохотлив. Он был надёжен, рационален и не по фермерский мудр. Эта мудрость не о высоком и непостижимым, а простая, человеческая. Берущая корни из бытовой морали. Джеймс всегда был крайне наблюдателен. Он изучал людей и их поступки глазами и ушами. Отчётливо видел несправедливость даже в мелочах и точно знал, как не будет поступать сам. И как бы хотел заставить других поступать по совести. Особенно разбойников...

Рядом стоял Артэн. Его можно охарактеризовать улыбчивым и жизнерадостным несмотря ни на что и уже только этим Артэн сильно выделялся среди прочих. Среди всех! Крупный и улыбчивый добряк. Он был выше Джеймса на голову. И шире в разы. Волосы жёлтые, средней длины. Бородка. Из-за уха торчала небольшая косичка. Глаза бледно-голубые, щёки и челюсть округлые. На нем также были сапоги, широкие штаны и белоснежная, тонкая рубашка, плотно обтягивающая мускулистое тело. Само собой, Артэн тоже фермер. Но не такой уж трудолюбивый, как может показаться. Его крупное тело – не результат ежедневных, утомительных работ в поле, а подарок природы. Здоровяк обожал лежать на стогах сена, на тёплой печке, на берегу речки, посреди пшеничного поля, везде. Артэн брался за плуг только благодаря Джеймсу, которому приходилось нередко отчитывать своего друга. А дружили они с самого детства.

Семьи Джеймса и Артэна жили по соседству. Да, между ними пролегали обширные поля пшеницы, подсолнуха, кукурузы, сады с яблонями и грушей и много чем ещё. Но они были слишком юны и энергичны, чтобы расстояния имели значение. Чего не сказать о Зари.

Зари была третьей в их компании. Хрупкая и низенькая. Девушка имела лишь половину роста от Артэна, с которым она состояла в близких отношениях. На Зари было надето бардовое платье, полностью оголявшее плечи, и босоножки на тонкой подошве, украшенные цветками ромашки. Талию опоясывал тёмно-синий шарф. Её обувь казалась не самой удачной для путешествий, но всё остальное уже поизносилось. Черты лица Зари были тонкими и невзрачными. Длинные, тёмные волосы полностью распущены. Девушка являлась неотъемлемой частью этой компании и ребята искренне дорожили Зари, хоть и частенько воспринимали её как обузу. Несмотря на то, что Зари являлась собирательницей, она была не шибко вынослива. И походы за грибами да ягодами – скорее неспешная прогулка с частыми остановками подле кустов брусники и черники. Прогулки же её друзей всегда были интенсивными, с бегом, лазаньем по холмам и обрывам, переправам через реки. По тому, Зари чаще всего оставалась дома, нежели составляла компанию своим друзьям. Но не сегодня. Сегодня они стояли под размашистой

берёзой, на небольшом холме, с которого во все стороны просматривались бесконечные вспаханные земли, редкие деревца и широкая лесополоса на северо-западе. А перед троицей путешественников стояла небольшая деревня, в которую весь день стекались фермеры близлежащих земель.

Деревня Кондина. Так звали первого фермера, основавшего поселение. На юге это происходит более чем просто. В юности, теперь уже дряблый Кондин покинул родную ферму и основал свою, женился и наделал с пяток детей. Кондин отлично справлялся с хозяйством, чему обучил своих отпрысков. Которые в свою очередь получили свои земли, расширили их и обзавелись своими семьями. Все они строили жилища в центре огромного угодья, а семей становилось всё больше. Подобные деревни встречались редко, но всегда становились сердцем целого района фермерств. Здесь встречались представители семей, обмениваясь знаниями. Через деревню Кондина проходила торговля с купцами севера. И здесь же устраивали и проводили праздники.

Так и сегодня, в поселение прибывали фермеры на первый праздник урожая. А это, без сомнения, был самый важный день на юге. Лето на Фелестине длится неприлично долго. Сбор урожая проходит три, а иногда и четыре раза за одно тёплое и длинное лето. И даже так, праздник урожая считается уникальным и единственно важным днём на Юге. Южане фермеры до мозга костей. Сама работа в поле, обустройство своих угодий – всё это было и есть смыслом жизни и её радостью. Южная Фелестина любит тот уклад быта, которым живёт. Но результат работы был не менее важен. Луга пшеницы, акры картофеля, сады яблонь и груши, ветки которых гнутся под весом плодов. Свиньи, коровы, куры. Чем всего этого было больше, тем радостнее. Удачная ферма – гордость фермера, которому есть чем похвастаться перед остальными. И праздник урожая был чуть ли не священен.

И проходил он более чем пышно. С размахом, ярко и всегда волнительно. В отличие от Юдая... Да что там, даже в отличие от Ванлатаина, где Боги являлись неотъемлемой частью жизни эрендирцев, на Фелестине Богам поклонялись особенно рьяно. Разные народы всегда почитали одних Богов и недолюбливали других. Но на Фелестине обожали практически весь пантеон. Может, кроме одного или двух, но тем не менее. Разные группы людей почитали разных Богов, учитывая их род деятельности, предпочтения и жизненные взгляды. Практически все существующие Боги являются воплощениями жестокости, кровожадности и обмана. Для ценителей добродетели крайне сложно было бы найти для себя покровителя, но фелестинцы казались особенно изобретательны. Влюблённые поклонялись желанной Астарте, рыцари и воины Богам Ороду и Вилю, страждущие власти практически всем подряд, надеясь на максимальный исход. Фермеры же чаще всего выбирали для себя Анора, моля его о ласковом солнце, которое могло буквально испепелять при желании бессмертного. Но даже когда урожаю ничто не угрожало, люди с охотой преподносили дары Вилю или Азелю. По логике фермера, воинственный Бог, не имеющий никакого отношения к земледелию, всё равно способен помочь. Не напрямую, но поспорив между собой разбойничьи кланы. Так, чтобы негодяи поубивали друг друга, некоторое время не способные доставлять неприятности фермерам. Это считалось нормальным. Не говоря уже о том, что практически каждый, даже ни в чём не нуждающийся, поклонялся Энлилю, хотя бы за свою собственную загробную жизнь.

Вся эта одержимость Богами, в итоге приводила к тому, что почти в каждом доме имелся небольшой, импровизированный алтарь. У некоторых фелестинцев имелись уединённые места для молитв, такие как роци с резными деревьями или пещеры с наскальными рисунками. Появлялись секты. Поклонению Богам отводились целые помещения, воздвигались чучела и статуи. И разумеется, обширные празднования имели все эти атрибуты в избытке.

Так и сегодня, в день первого урожая, собирающиеся с ближайших земель фермеры готовили площадь в деревне Кондина к празднику. Южане расставляли столы и табуреты, готовили блюда, выкатывали бочонки с местной брагой. На площади расчищали центральный круг, под-

готавливая его к диким и первобытным танцам. Совершенно невпопад расставлялись жаровни и урны, в которых курились благовония.

Джеймс, Артэн и Зари наблюдали, как фермеры возводят трёхметровое чучело Анора, собранное из веток и сцепленное верёвками. Чучело лишь из далека имело человеческую фигуру. Вблизи же, аляповатое навершие скорее походило на птичье гнездо, нежели на изысканный, причудливый шлем Бога.

– Добрались. – Констатировал Джеймс. Его голос звучал взволновано серьёзно. Парень прибыл в деревню с чёткими целями и празднество среди которых было не первым. Его же друг Артэн казался расслабленнее.

– Наконец-то! Я уж начал думать, что этого никогда не случится.

– Не нужно на меня так смотреть, – Отвечала Зари на взгляд своего партнёра. – Для меня это тяжелее. Я не могу как вы, два дня гнать без остановки. Моя обувь совсем развалилась, а она и так давно требовала замены.

– Сегодня же пополним припасы. И запасёмся всем необходимым для путешествия.

Последний день Джеймс только и говорил, что о путешествии, которое они задумали совершить. Путешествие, приключение, испытание. Затея Джеймса была опасной и тревожила его спутников, пусть те и решили его поддержать. Но сейчас они были ещё даже не в начале своего пути, а Артэн уже устал от накрученной серьёзности друга.

– И как следует отдохнём на празднике!

– Эй, я не прошу никого отказываться от развлечений. Просто напоминаю...

– Я напьюсь. Сразу предупреждаю. И буду всю ночь танцевать.

Взгляды Джеймса и Артэна остановились друг на друге. Через мгновение, здоровяк продолжил:

– И рассчитываю, что ты не останешься в стороне!

– Я ведь уже не раз сказал, Артэн. Мы все вместе повеселимся на празднике урожая. Я и не знаю, когда в следующий раз будет такая возможность.

– Каждый раз, как ты упоминаешь об этом, я начинаю сомневаться в правильности решения пойти на твою авантюру. – Зари за малым не плакала. Она была очень хрупкой. И зачастую третьей лишней в этой компании. – Что мы будем делать?

– И вот опять. Ну хорошо. Мы купим мечи в деревне. Последние годы мы с Артэном постоянно тренируемся в фехтовании. И в конечном итоге, это идея о свершение правосудия. Проучить разбойников и даже известить их. Дать понять каждому фермеру, что сопротивление не просто возможно, но необходимо. Что жить в постоянном страхе и откупаться от бандитов, когда они приходят на наши поля – не жизнь вовсе.

Это была мечта Джеймса. Нет, даже цель. Сверхценная идея, изменить привычный ритм жизни Южной Фелестины. Молодого человека бросает в дрожь от простой мысли, что южане смиренно склоняют головы пред вооружёнными бандитами. Негодяями и разбойниками, совершенно не имеющими даже далёкого отзвука совести в своих умах и сердцах. Имеющие превосходящую силу, этим ничтожествам мало просто брать что вздумается. Красть у всех на виду, совершенно не беспокоясь о последствиях. Но, помимо того, подобные ироды охотно глумятся и издеваются над своими жертвами, унижая даже публично. И Джеймс ненавидел это всем своим существом. Желая и искренне веря в способность, что-либо изменить.

– Я думал, что мы уже всё решили и вы поддержали меня. А мы каждый раз возвращаемся к этому разговору.

– Конечно поддержали, друг. – Артэн хлопнул Джеймса по плечу, потом развёл в руки стороны, продолжая ими жестикулировать. – Но разве не дико звучит? Конечно мы вместе с тобой, но сама мысль, что два простых фермера собираются сражаться против четырёх разбойничьих кланов – это полный абсурд. Не надо удивляться, что мы с Зари относимся к этому с недоверием и возмущением. Это ведь опасно, в конце концов.

– И потому, мы не ринемся в логово врага. Начнём с малого. Расспросим местных, в какой помощи они нуждаются. Какие внешние твари их беспокоят. Будем учиться и набираться опыта. Я понимаю, что в отличие от бывалых головорезов, мы втроём – это просто шутка какая-то. Но мы с Артэном в самом деле способны горы свернуть. Пусть не сразу. Мы сильные, выносливые. Не тупицы. И быстро учимся. Да и вообще, я просто чувствую это. Чувствую, что у нас всё получится. Что это наше дело. – Джеймс понимал настроения своих друзей, но искренне верил, что даже один человек способен изменить мир. Весь мир слагал легенды о Золотом Короле, в одиночку бросившего вызов монстрам, армиям и даже Богам.

– Я ничего не чувствую. – Возражала Зари. – И надеюсь, что вы не забываете обо мне. Я не такая выносливая и уж тем более сильная как вы. И вообще не понимаю, что здесь делаю. Иду на верную смерть? Сопровождаю на верную смерть вас?

– Перестань, милая. – Артэн инстинктивно заключил подругу в объятия. – Никто не собирается умирать. И мы с Джеймсом уж точно не дадим тебя в обиду. Начнём аккуратно и, если поймём, что прыгнули выше головы, тут же всё бросим.

– Но чем я вообще могу пригодиться?

– Ты что! Ты как минимум будешь нашим голосом разума. Который остановит нас от безрассудных шагов.

– Хорош голос, который никто не слушает. Я ведь уже...

– Всё будет хорошо! – Подытожил, и не дал договорить девушке Артэн. – И хватит на этом! Я весь день умоляю вас перестать. Вы только портите настроение. А я собираюсь отлично провести этот вечер. Так что хватит всего этого занудства. Хотя бы до утра. Идём уже в деревню! Праздник ждёт.

И после этих слов, Артэн широким шагом начал спуск с холма, не дожидаясь реакции товарищей. В самом деле, самое большее что сделают его друзья – постоят на месте пару минут и отправятся следом. Так и случилось. Джеймс и Зари бросили друг на друга несколько молчаливых взглядов и догнали Артэна на подступах в деревню.

Хозяйство Кондина не везде начиналось с заборов или ворот. Если фермер не владел домашним скотом, во всяком случае не пас его вблизи дома, до в ограждениях южане просто не видели смысла. В один миг, тропа и поля по обе стороны от неё превращалась в дорожку между домов. Из хижин выходили люди, неся на праздник корзины с фруктами, овощами и вяленным мясом. Многие были знакомы троице приключенцев. И они сами помнили многих. Прохожие улыбались при виде Зари, кивали Джеймсу и хлопали по плечу Артэна. Жизнь кипела среди фермерской общины, как не кипела в любой другой день в году.

Ребята вышли на главную площадь, где люди наставляли столы и подвешивали на верёвки корзинки с цветами. Мимо пробежала стайка голупсов – низкорослых домашних животных с головой собаки и телом голубя. До начала праздника оставалось пара часов и Джеймс собирался провести их с пользой.

– Я хочу заглянуть в торговую лавку. Присмотреть необходимое снаряжение. Артэн, ты заглянешь в таверну? Было бы замечательно успеть занять комнату для ночлега, пока они ещё есть.

– Конечно! Мы с Зари пойдём туда. А потом встретимся прямо на этом месте.

– Без меня. – Ответила девушка. – Я хочу навестить тётушку. Из родных с ней давно никто не виделся. Надо узнать, как она поживает.

– Что же, – Подытожил Джеймс. – Тогда до вечера.

И на этом, все трое разошлись.

Как и было запланировано, Артэн направился в таверну. Высокий и с крупным шагом, он бы быстро добрался до места, если бы улыбочивый и жизнерадостный здоровяк не отвлекался по каждому случаю. А случаев было много. Снующие туда-сюда дети с задорным смехом указывали на Артэна, стараясь увлечь его в свои игры. Парни, узнав в блондине старого товарища, расспрашивали о жизни. Мужчины задавали вопросы о семье и хозяйстве, а старые женщины старательно делились своей мудростью.

– Дяденька, идёте пинать мяч!

– Артэн, ну ты и вымахал! Уверен, ты с лёгкостью поднимешь здорового хряка над головой!

– Артэн, ты здесь со своей девушкой? Купи ей букетик. Посмотри, как пахнут цветы.

– Артэн, как поживает отец? Повезло ему с таким сыном. Наверняка ты просто незаменим в поле.

И всё это, под палящими лучами солнца, в свете которых птицы поют звонче, люди кажутся светлее и добрее, листья на деревьях зеленее, а вода из колодца прозрачнее.

Совсем рядом вдруг послышался треск, сопровождаемый мужским оханьем. Двое мужчин устанавливали столб подле дороги, который выскочил из натруженных рук и стал заваливаться прямо на прохожих. И Артэн, воздев руки к небу, ухватил столб, по чистой случайности оказавшись прямо на траектории падения. Люди, оказавшиеся в эпицентре события, само собой взбудоражились, переволновались и выдохнули, когда опасность их миновала. И среди бормотания, негодования, возгласов облегчения и восхваления здоровяка, Артэн услышал еле знакомый голос.

– Боже мой, жеребец, какой ты стал!

Когда рабочие помогли блондину уложить столб, чтобы тот перестал привлекать всеобщее внимание, Артэн разглядел говорящую с ним женщину, в которой узнал Минк – местную доярку.

– Артэн, милый, ты мой спаситель. – Когда столб для праздничных украшений падал, женщина как раз проходила под ним. Увлечённая своими заботами, она бы в любом случае столкнулась с мальчиком, а теперь уже мужчиной, который каждое утро бегал на её ферму за бидоном свежего молока. – И даже не знаю, за что я больше тебе благодарна. За спасение или за то, каким мужчиной ты стал.

– Тётя Минк, – Артэн приветливо улыбнулся. – Не понимаю о чём вы.

– Ох, не забывай себе голову женскими глупостями. И знаешь что, тётя – это в прошлом! Не называй меня так. Я не хочу чувствовать себя старой, рядом с таким волнительным мужчиной.

– Да бросьте вы, тётя Минк... Минк. – Артэн глупо рассмеялся, но быстро принял идею отказаться от почтительного обращения. Открытость и свобода в общении симпатизировала юноше. А факт, что он перестанет называть доярку тёткой, вовсе не отнимет его уважения к ней.

– Рассказывай же, Артэн! Как твоя жизнь на ферме? Как ты стал таким... Таким большим... И сильным. – Минк затараторила что было сил, не предоставляя блондину времени для ответа. – Ты здесь вместе с Зари? Милая девчушка. У вас всё серьёзно? Боги, да ты проста гора! И такой мягкий, уютный.

Русая доярка без зазрения совести прикасалась к рукам юноши, плечам, груди. Это выглядело так, словно близкая родственница изучает племянника, которого не видела лет десять, и удивляется тому, как быстро растут дети. Но было в этом и нечто интимное. Минк была одета в свой фермерский комбинезон на голое тело, её пышно налитая, зрелая грудь выдавливалась наружу плотно прижатой тканью с глубоким вырезом.

– Идём. Расскажешь мне обо всём по пути. А я угощу тебя свежим молоком. – И доярка ухватила Артэна под руку, завлекая за собой.

– Нет нет. Я должен поспешить в таверну...

– Перестань в самом деле! Сколько ты уже не появлялся в деревне? Раньше ты бегал ко мне каждый день, когда твои родители ещё строили свою ферму. А теперь у тебя нет даже часа, чтобы поболтать со своей Минк? Не обижай меня. Сейчас придём, я накормлю тебя. Ты сможешь мне убрать сено. Знаешь, вдове не так-то просто уследить за целым хозяйством.

– Вы всё ещё живёте одна?

– Спросишь тоже, милый. Мы фермеры. Откуда взяться новым людям моего поколения?

И в самом деле, в деревне Кондина все друг друга знали на протяжении многих лет. Муж Минк покинул этот мир уже очень давно. И в какой-то степени, доярке не хватало мужского внимания, ведь фермерские пары не так-то просто, да и не принято разбивать. Но не кривя душой, пышное тело женщины и не робкое поведение иногда приносили свои плоды. Что, разумеется, хранилось в строжайшем секрете.

В разговоре, или скорее монологе Минк, они дошли до дома доярки. Земля, принадлежащая женщине, находилась на краю деревни и была огорожена невысоким забором, который вырывался из нестройной линии фермерских хижин далеко в поле. За домом Минк, через огород, стоял коровник, а сам скот пасся на лугу. Доярка незамедлительно повела Артэна в ветхий домик для парнокопытных. Это было уединённое место, скрытое от любопытных глаз. Минк и правда хотела, чтобы здоровяк немного помог ей по хозяйству. В том числе и для того, чтобы насладиться видом мужчины за работой.

Артэн, как и полагается Артэну, единственному и неповторимому, забыл о своей задаче занять комнатку в таверне и полностью увлёкся свалившимся на него занятием. Помощью. Помощь нуждающимся, так охотно воспевающих дифирамбы здоровяку, всегда были его слабостью. Убеждая Минк, что его помощь ничего не стоит и не доставляет никаких хлопот, Артэн принялся переносить стога сена, таскать воду, сыпать корм для животных и расчищать стойла. Доярку же крайне огорчил факт, что здоровяк может запачкать свою одежду и настояла на том, чтобы блондин избавился хотя бы от рубахи, в чём ему даже помогла. Немного растерянный, Артэн всё же согласился, что испачкаться было бы лишним. Но когда Минк опустила на четвереньки и нагнулась в поисках невиданной вещи и попросила юношу о помощи, покачивая перед ним своим тазом, Артэн вдруг выскочил из коровника.

– Я возьму гвозди и молоток. Думаю, здесь не помешает укрепить несколько досок и балок.

Минк поднялась на ноги. Понимала ли она, что делает? Само собой понимала. И была самую малость оскорблена. Женщина одинокая и видная, хотела бы видеть совершенно другую реакцию от мужчины. Но ведь это был Артэн. Малыш в её воспоминаниях, когда она сама была ещё очень молода. Это её позабавило – его невинность и скромность. А правильность её желаний – слишком сложная вещь для размышлений.

После того, как юноша вернулся и поработал инструментами, Минк усадила его на отдых. Доярка ходила в дом за молоком с хлебом, напоила и накормила помощника. Немного пролив на себя, женщина, выпятив грудь ещё пофлиртовала с Артэном, после чего тот в спешке засобирился уходить. И Минк всё же оставила желание совратить красивого, сильного и молодого парня, понимающе улыбнувшись ему на прощание.

Покинув владения доярки, Артэн поспешил в таверну. Солнце уже клонилось к закату, и здоровяк понимал – свободных комнат почти не осталось. Парень спешил ни на что не отвлекаясь, чему и сам был крайне удивлён. Но стоило ему распахнуть двери старого, двухэтажного дома и войти внутрь, как его тут же окликнули.

– Артэн!

– Артэн, дружище! Сколько лет!

– Проходи сюда! Давай, иди. Ты чего, растерялся что ли?

За столиком в таверне сидели два старых товарища Артэна. Гхарду и Газрё. Они столь весело и зазывающе махали здоровяку руками, что все прочие мысли из головы последнего повыскакивали. И блондин, натянув широченную улыбку, направился в сторону друзей. Гхарду и Газрё, родные братья, встали и по очереди обняли давнего товарища. После чего, все трое присели.

– Ну и дела. Тебя практически не узнать.

– Да бросьте. Стоило мне только зайти, как вы замахали мне руками. – Отвечал блондин двум словоохотливым братьям.

– У Газрё отличная память на лица, это так.

– Нет. При чём тут лицо, я говорил о твоём теле. Чем ты питаешься?

Оба брата уже были навеселе. Между слов не редко проскакивал смех, а в глазах плескался эль. Гхарду подозвал официантку. Пухленькая девушка, вся в прыщах, принесла кувшин с пьянящим напитком и тут же удалилась восвояси, вся краснея.

– Давай, давай. – Подбадривал Гхарду блондина, наполняя его кружку.

– Выпьем за встречу! – Поддерживал брата Газрё. – Мы с Гхарду уже навстречались за сегодня, что я на ногах еле стою!

И оба черноволосых, худых брата, вновь разразились смехом.

– Рассказывай Артэн. Как дела на ферме?

– Нет, нет! – Перебил брата Газрё. – Завтра расскажет. Если захочет. Целый день один и тот же вопрос. Что мы как наши старики? Неужели больше не о чем поговорить?

– О! – Протянул Гхарду. – Я знаю, к чему ты клонишь.

– Хотите поговорить о дамах? – Предположил Артэн, предугадывая настроение молодых, одиноких парней, выпивших не одну кружку крепкого алкоголя.

– Конечно!

– Само собой! Отличная тема для беседы трёх молодых человек.

– Здоровяк. Не в обиду твоей милой Зари, какие девушки тебе нравятся?

Артэн замолчал и вдруг сделался серьёзным. Ничего обидного по отношению к нему самому или Зари, конечно же не было. Просто блондин, неожиданно для себя, не нашёлся что ответить. Их отношения с Зари, на самом деле были чистой случайностью. На удивление же, Артэн мало привлекал внимание молодых девушек своей персоной. Он нравился женщинам постарше, но не как объект сексуального влечения. Не считая доярки Минк. Да и сам блондин не то, чтобы увлекался прелестями женского населения. Больше прочего, его увлекали приключения и глупости. Особенно вместе с Джеймсом, его самым верным другом. За которым и, вместе с ним, Артэн был готов отправиться на любую авантюру. Даже такую опасную как та, что они задумали в этот раз. А девушки? А девушки потом.

– Даже не знаю, что и сказать. Вот так сразу я, пожалуй, не готов ответить.

– Мы всё понимаем, дружище. – Успокоил его Гхарду. – Ты бы не хотел сказать что-то, что бросило бы тень на твои отношения с Зари.

– Расслабься, Артэн. Ты же знаешь, здесь все свои. В этом прелесть мужской компании, в которой можно поговорить открыто.

– Да знаю конечно. Какие мужики сплетницы.

И все трое вновь расхохотались.

– Я начну! – Провозгласил Газрё. – Мне бояться и терять нечего! И так. Артэн, ты помнишь внучку трактирщика?

– Эта та девушка, что поднесла наш кувшин, верно?

– Точно! – Согласился Гхарду.

– Страшненькая... Сказали бы вы! – Газрё попытался упрекнуть товарищей в том, о чём они и не думали. В конечном счёте, южане вовсе не аморальны, чтобы судить людей за внеш-

ность, которую для человека определяет природа. По большей части. – Но вот я! Мне такие нравятся. Простая, молодая.

– Я бы даже сказал, совсем юная.

– Да, да. Я же не имею ввиду ничего грязного, брат!

– Прости.

– Я говорю о внешности. Прыщи? Это всё пройдёт. Это по тому, что она совсем юна. Пухленькая? Ну и хорошо, так даже лучше. Она простая, фермерская девчушка. Старательная, трудолюбивая. Скромная. Отличная пара для совместной жизни.

– Как ты и сказал, тебе просто нечего терять. И нечего перебирать. – Засмеялся Гхарду.

– Брат!

Казалось, Газрё был готов всерьёз обидеться на брата. Но это было не так. Газрё отлично знал, что Гхарду лишь подшучивает, специально стараясь вывести брата из себя. На самом же деле, они отлично понимали друг друга и уважали. Но Газрё всё же ответил.

– Конечно, лучше любоваться Сирой танцовщицей. Быть как все, не имея своего собственного вкуса. Вся деревня только о ней и болтает.

– И что в этом плохого? – Спросил Гхарду брата. – Она красивая. И это все признают. Очень необычная, изысканная внешность. А как она двигается! Смотришь, и всё внутри тебя клокочет.

– Такой же, как и все. – Вынес Газрё приговор своему брату.

– Я только признал очевидное, а не сказал о своих предпочтениях. И если ты забыл, я люблю девушек постарше.

– Ах да. Но скорее уж женщин. Ты знал, Артэн? Наш Гхарду втайне мечтает о доярке Минк.

– Да уж... – Протянул блондин, вспоминая неловкую встречу с Минк.

– И ничего не в тайне! Я открыто ухаживаю за ней!

– Только без толку.

– У неё, как и у нас, то же свои предпочтения. Я не стану винить её за то, что я слишком молод для неё.

– Кхм. – Артэн чуть не подавился своим пьянящим напитком. Ведь все трое были почти одного возраста, с разницей в пару лет. – А что же ты? Ухаживаешь за Минк, ни смотря ни на что?

– Даже не смотря на неодобрение стариков, как ты понимаешь. Но знаешь. Кем я буду, если просто сдамся?

Все трое замолчали, обдумывая сказанное. Целеустремлённость Гхарду казалась похвальной, но всё же... Верно, что, будучи совсем юнцами, да порой и на сегодняшний день, парни не редко пренебрегают советам и взглядам родителей. В этом не было ничего странного и необычного. Старшие и младшие поколения считают, что лучше других понимают, как устроен этот мир. Взрослые с точки зрения опыта, а молодые с точки зрения изменчивости и прогрессивности времени. Но порой взгляды сходятся. И одержимость молодого парня уже взрослой женщиной кажется в корне не верной. Будучи южанином, Гхарду, как и другим ребятам, традициями предписано найти для семьи молодую девушку, чтобы вместе с ней возвести свою ферму и настрогать кучку детишек. А не провести несколько счастливых лет с женщиной, чей плодovitый срок подходит к концу.

– Выходит, нам с братом нравятся фермерские девушки. – Прервал молчание Газрё.

– Но кому-то скромные, а кому-то развязные. – Подытожил Гхарду. Сейчас они, отчего-то не смеялись. – Так что, Артэн. Что на счёт тебя?

– Хорошо. Послушал я вас, и вот что решил. – Здоровяк сделал большой глоток эля. – Мне нравятся северянки.

– Ого! – Воскликнул Газрё.

– Северянки? – Решил уточнить Гхарду. И оба брата вновь расхохотались, с удовольствием оставив свои размышления.

– И что в этом такого смешного?

– Это не смешно, дружище! Просто неожиданно.

– Да. То есть, вполне логично, в твоём случае, но неожиданно. Я не припомню, когда бы в последний раз южанин говорил и уж тем более брал в жёны северянку.

– Почему сразу в жёны? – Артэн испугался, что братья неправильно растолкуют его слова. – Моя будущая жена – это Зари.

– Само собой. – Успокоил блондина Гхарду. – Просто пришлось к слову.

– А что значит, логично в моём случае? – Спросил Артэн Газрё.

– Это же очевидно! Северянки, они ведь все такие воинственные! Посвящают себя рыцарству.

– Что ты брешешь? – Спросил Гхарду брата. – Северянки такие же обычные, как и южанки.

– Не скажи. Они почти все худые и стройные. И очень бледные. И ещё этот турнир Королевы. Ты представляешь себе кого-нибудь с ферм, кто мог бы и стал участвовать в тех кровопролитных побоищах?

– Нет конечно. Но это же единицы. То, что десяток женщин на севере лупасят друг друга на арене, вовсе не значит, что все северянки такие.

– Десяток, это именно те, кто на арене, как ты высказался, лупасят друг друга. И это не считая тех, кто всю жизнь тренировался для этого, но оказался не так хорош, как те десять. И пусть даже это единицы. Но они на слуху. И именно они создают общий образ.

Артэну вдруг показалось, что спор двух братьев может перерасти в перепалку. Здоровяк не понимал, что именно вызвало такой ажиотаж и решил прервать Гхарду и Газрё.

– И всё же, при чём тут я? Да, мне симпатична волевая стойкость северянок. Я люблю сражения и приключения, но отчего это так очевидно?

– Ты сам и ответил, друг. Посмотри на себя! Ты ведь самый настоящий богатырь! Пару лет пожить на севере, где солнышко прячется за тучи и облака, и с тебя слезет южный загар. И ты уже будешь скорее северянином, чем южанином!

Газрё закивал в подтверждение слов брата. И на этой ноте, посетители таверны стали подниматься из-за столов. По очереди, они выбирались наружу, а с улицы уже не просачивались лучики дневного света. Из подсобной комнатки выскочил трактирщик, который заведовал таверной. Он подозвал свою племянницу и шикнул на молодых людей. День превращался в вечер, и вся деревня собиралась на праздник урожая на центральной площади. Артэн, Гхарду и Газрё поднялись. Они быстро осушили свои кружки, прихватили с собой кувшин с элем, пообещав вернуть его в сохранности хозяину, и поспешно покинули таверну.

В то самое время, как Артэн столкнулся на улицах деревни с дояркой Минк, хрупкая Зари подошла к дому своей тётки Мариг. Мариг была травницей и врачевательницей. Она являлась Зари дальней родственницей и была настолько старой, что помнила каждого жителя.

Дом травницы так же повидал многое. Хотя, пожалуй, сказать такое было бы не совсем верно. Жизнь фермеров, конечно, не стояла на месте, богатая разными бытовыми и сердечными событиями, но определённо не гудела и не кипела. Хижина Мариг покосилась, обветшала и местами покрывалась плесенью и плющом. В небольшом огороде подле дома росли кустики, цветки и травки – максимально необходимое для оказания первой помощи.

Подойдя к двери, Зари скромно постучала. Несколько мгновений спустя, девушка услышала голос, приглашающий внутрь. Потянув дверь, та издала жуткий скрип, а из дома потянуло затхлым запахом сырости.

– Тётушка Мариг. – Зари позвала старуху, которую застала у печки, где кипел небольшой чан с травами.

Травница обернулась. Зрение Мариг было не важным, а в комнатухе царил мрак из-за грязных окон, заставленных горшками с цветами, но старуха в тот же миг узнала свою племянницу. И улыбнувшись в три оставшихся, почерневших зуба, заковыляла навстречу Зари. Они обнялись.

– Зари, мой маленький жучок. Я так рада тебя видеть. Что привело тебя в деревню Кондина, дорогая?

– Тётушка, мы пришли на праздник урожая.

– Ах. Ох, ох, ох. Точно, точно. Такие собрания я уже не посещаю. Силы не те. Да и память как у старухи! – Мариг смешно скривила лицо, указав ладонями на себя и попробовав немного подпрыгнуть. – А я и есть старуха!

Травница замахала руками, словно отбиваясь от назойливых мух и засмеялась. Мариг пригласила девушку сесть за стол, а сама достала пару кружек, половник и наполнила их жидкостью из чана на огне.

– Это чай. – Пояснила травница, сев за стол и подав одну кружку для Зари. – Самый простой чай. Из разных травок, что ещё растут в огороде.

– Спасибо большое, тётушка. Как ты поживаешь? Давно ли тебя навещали?

– Ох, милый жучок. Какое ещё поживаешь? Я уже и не живу толком. Да и кто бы меня навещал? Забота о старой, полоумной старухе, не самое привлекательное занятие.

– Прости пожалуйста, тётушка. – Зари почувствовала себя всецело виноватой.

– Ну что ты, милое дитя. Тебе вовсе не за что извиняться. Ты молода и красива. Твоя забота – это как следует прожить свою жизнь, а не думать, как бы помочь старой тётке. У которой, между прочим, есть свои дети. Хотя, я не виню их. У них то же полно забот. Лучше расскажи о себе. Ты здесь вместе с Джимом?

– Джеймсом. Да, тётушка. И с Артэном.

– Ах, хороший мальчик, этот твой Джим. Всегда тебя так защищал. И симпатичный. Очень тебе он подходит.

– Тётушка. – Зари попыталась перебить старуху, но та не дала такой возможности.

– Ты держись за него! Когда я в первый раз вас увидела вместе, сразу подумала, какой же надёжный мальчишка. Крепкий. Не то, что его друг, здоровый увалень.

– Конечно, бабушка.

Зари очень не хотелось пытаться переубедить Мариг. Это было бы тратой времени. Да и, возможно, расстроило бы травницу. Раз уж ей так нравился Джеймс.

– У вас уже есть детишки?

– Нет, тётя. – Вздохнула в отчаяние Зари.

– Ничего, ничего. Всему своё время. Так что же, вы уже нашли, где остановиться на ночлег, после празднества? Можете ночевать у меня дома. Места не много, конечно, но уютно. – По правде говоря, Зари не чувствовала никакого уюта в старом, заплесневевшем доме. И Мариг словно ничего не хотела слышать об Артэне. – Я всегда рада видеть вас двоих.

– Конечно, тётушка. Если у нас не будет других планов, мы обязательно придём. Но я хотела у тебя кое-что спросить. Остались ли у тебя какие-то рецепты по зельеварению? Так, чтобы можно было снять усталость в пути, или подлечить небольшие раны? У себя на ферме, я уже давно ничего подобного не делала. Мы собираем ягоды и грибы. И всё это уходит на запасы в неурожайные дни.

– Разумеется, что-то ещё завалилось. Зачем тебе это? Неужели не помнишь, как сделать мазь, чтобы вылечить ушиб или порез? Или снять головную боль? В какие такие походы ты собралась?

– Ох, тётушка. Ничего особенного...

– Давай рассказывай. Нечего от меня утаивать.

– Мы хотим стать авантюристами. – Нехотя молвила Зари, после секундного промедления. – Помогать людям. Ходить по фермерским хозяйствам. Защищать от напастей. Я знаю, как глупо это всё звучит! И уж тем более, какое отношение это имеет ко мне! Но ведь я не могу бросить Артэна и Джеймса. И хочу быть полезной для них.

– Ни слова больше! – Старуха Мариг махнула рукой на Зари и, вскочив на ноги, убежала в свою комнату.

Непонимающе озираясь по сторонам, Зари осталась одна. Девушка не знала, чего ожидать от старой Мариг. Травница всегда была странной. Почему она так хорошо запомнила Джеймса и решила, что именно с ним встречается Зари? И девушка вспомнила день, когда познакомилась с двумя неразлучными друзьями.

Семья Джеймса и Артэна жили в деревне Кондина. Их отцы занимались стройкой своих ферм, которые должны были быть по соседству. Главы семейств почти всегда отсутствовали. А мальчиками занимались их матери. Но повлиять на их воспитание, женщины не смогли. Артэн и Джеймс всегда были непоседами. Всё время они пропадали либо с другими детьми в деревне, либо уходили в ближайший лес, где травники собирали свои припасы. И почти всегда Артэн и Джеймс попадали в передряги. Особенно с более старшими подростками. Джеймс с ранних лет не терпел несправедливость. Возраст для него никогда не являлся какой-то привилегией. А Артэн всюду следовал за другом, старательно ему подражая. В тот день так и случилось.

Совсем ещё маленькая Зари часто сидела за прилавком вместе со своей тёткой Мариг. Когда травница ещё была в силах бродить по лесу в поисках лечебных трав, её услуги пользовались большим спросом. Это не только мази от ушибов и ран. Не только заваренные травы от головных болей. Зелья Мариг могли притупить боль при родах и способствовать выходу плода из чрева. Могли вылечить отравление. Были даже такие, что привносили новые краски в интимную жизнь фермеров, лечили бесплодие и возвращали мужскую силу. Мариг знала, как изготовить зажигательные смеси для курения в стойлах, отгоняющие от скота паразитов. И травнице зачастую приходилось отлучаться в хижину, чтобы принести из запасов нужные травы и грибы, оставляя Зари следить за прилавком.

И само собой, такое не проходило бесследно. Маленькая девочка не редко подвергалась нападкам взрослых мальчишек. А дети зачастую бывают крайне злыми, сами того не понимая. И мальчишки иногда дразнили Зари, обзывая её жуком или гусеницей. Бывало такое, что мальчишки притаскивали с собой лягушек, забрасывая ими лавку травницы, где сидела Зари, тихо плача.

И однажды свидетелями этих издевательств стали Артэн и Джеймс. Зари знала их, но ещё никогда с ними не общалась. Двум юношам всегда было интереснее карабкаться по обрывам или охотиться на мелкую дичь, нежели болтаться на деревенском рынке. Однако, в тот день Джеймс и его друг бродили среди лавок по поручениям своих матерей. И увидев, как группа мальчишек дразнят маленькую девочку, не смогли остаться в стороне.

Джеймса не пугало то, что задиры были на несколько лет старше его. Он вообще не думал о разнице между ними. Всё, что его тревожило, это несправедливость. Что могла сделать в ответ беззащитная девчушка пяти рослым, агрессивным мальчишкам. И Джеймс вступился за неё. Он окликнул задира и предложил им немедленно остановиться. А Артэн тут же пригрозил расправой. Задиры же, рассмотрев двух юнцов и будучи полностью уверенными в своём преимуществе, охотно ответили на вызов.

Самым простым способом решения конфликта стала завязавшаяся драка, как, впрочем, и водится среди мальчиков и даже мужчин. Но никакой возни в грязи не было. Артэн и Джеймс не бросались в борьбу. Словно драчуны со стажем, мальчики начали и вскоре закончили потасовку точечными, дистанционными ударами. В лицо, в живот, в бока. Каких-то правил в уличных драках не было. И хотя Джеймс и его друг вышли победителями в заварушке, они и сами получили увечья. В большей степени Артэн.

Тогда и завязалась дружба между мальчиками и Зари. Джеймс помог своему товарищу подняться на ноги и повёл его к дому. Зари же, всё это время наблюдая за дракой и благодарная за спасение, схватила с прилавка какие-то травы и бросилась вслед за юношами, оставив лавку травницы без присмотра. За что, впрочем, Мариг похвалила племянницу. Ведь помощь больным и раненым для врачевателя были превыше всего другого. Джеймс же, как он не пытался, не смог отвязаться от маленькой девочки, которая крутилась под ногами, пытаясь помочь довести Артэна. А когда они оказались дома у будущего здоровяка, Зари тут же принялась за ним ухаживать. Матушка Артэна была не против. Она знала, что племянница травницы разбирается в лечении лучше её самой, даже не смотря на столь юный возраст Зари.

В течение нескольких дней, Зари ходила к Артэну, чтобы перевязать ушибы и напоить мятными травами юношу, лежавшего в жару. Джеймс то же навещал своего друга. И благодарный за помощь, он встречал и провожал Зари до дома. И вот, по вечерам, подле дома травницы, они часто оставались вдвоём, болтая о разном. Разумеется, каких-то общих тем между Зари и Джеймсом не было. Они проводили тихие вечера под звёздным небом, по очереди рассказывая друг другу о своих увлечениях, мыслях и мечтах.

Сидя сегодня у старухи Мариг и дожидаясь, когда травница выйдет из своей комнаты, Зари вспомнила то ощущение покоя и уюта, когда девчушкой проводила вечера с Джеймсом. И даже после того, как молодой Артэн оправился от ушибов и вместе с Джеймсом они вновь стали пропадать невесть где, поздно вечером они, Джеймс и Зари, встречались подле домика травницы, рассказывая друг другу о приключившемся накануне. Удивительно, как со временем девушка позабыла об этом. Сейчас она подловила себя на мысли, что тогда Джеймс очень ей нравился. Зари была даже влюблена в мальчика, который уделял ей столь много времени. Но вот сам Джеймс, кажется никогда не проявлял подобных чувств к подруге. Он просто наслаждался их дружбой. Артэн же по началу совершенно не интересовался Зари. Мальчик принял её только по истечении длительного времени, пока Зари становилась частью компании. И в конечном счёте, притираясь друг к другу, они сошлись.

– Это ведь было не по тому, что Джеймс сторонился близости? – Спросила себя Зари, тут же и не раздумывая отбросив эту глупую мысль.

– Вот! – Неожиданно выскочила в прихожую старуха, трясая пыльной книгой перед лицом. – То, что тебе нужно.

– Что это за книжка?

Зари с любопытством смахнула пыль с переплёта. Книга была большая. Расстегнув застёжку, девушка развернула жёлтые страницы. На них она увидела огромное количество рецептов всяких разных зелий. Даже таких, которые могли восстановить силы в ту же секунду, стоило лишь его выпить. Другое же, судя по описанию, могло придать невиданных ранее сил, приводя человека в иступление.

– Это ведь не книга врачевателя. – Удивилась Зари, не без подозрения взглянув на старуху.

– Здесь полно лечебных зелий. Но и не только! Эта книга – настоящее сокровище. Многие поколения, женщины нашего рода записывали в неё всё, чему только могли обучиться. Даже такому, о чём уже никто и не вспомнит. Когда времена были суровее, а ночи длиннее.

– Невероятно. Но тётушка. Почему ты даёшь её мне?

– Так разве не ты ли сама меня попросила?

– Конечно. Да, но... Я имею ввиду кое-что другое. Само наше приключение, о котором я тебе рассказала. Опасная авантюра, в которую нас хочет вовлечь Джеймс. Я думала, что ты будешь против. Как и все, чьё мнение на этот счёт я захотела бы спросить. Но ты же, напротив, преподносишь мне подарок, как бы благословляя.

– Разумеется! – Воскликнула Мариг, даже немного недоумевая. И в самом деле, что же тут странного. – Разумеется благословляю! А что же ты думала, я стану твердить тебе, как хорошо жить фермером? Сидеть в своём болоте, каждый день перебирая грибочки да ягодки? Считать каждый кусок хлеба, ждать мужа с полей и целыми днями слушать ор малолетних оглоедов, так нороящих один за другим выползти из твоего пуза? И никогда не увидеть мира, хотя бы за своим полем кукурузы? Хотя бы чужое поле кукурузы! Нет, деточка. Моя милая Зари. Мой жучок. Я не только не стану отговаривать тебя. Я буду гордиться тобой. Ты можешь пойти по стопам нашего с тобой рода. То, чем занималась моя бабка, а до того её мать и мать её матери. Ты хочешь исследовать мир, помогать другим людям и, кто знает, быть может стать участницей исторических моментов! Конечно я благословляю тебя, моя дорогая. Как бы я хотела быть хоть в половину такой смелой как ты. Иди же. Скорее иди, ведь твои друзья ждут тебя. Я знаю, что вам вовсе не интересно таскаться с дряблой женщиной и слушать её причитания. Так что быть может, я и прощаюсь с тобой.

С этими словами, Зари застыла в дверях, куда её активно провожала Мариг. Девушка обернулась, а на глазах выступили слёзы.

– Мой срок уж ближе. Было бы что отрицать. Так что да, я попрощаюсь с тобой, милая. А ты со мной. – Мариг пригласила Зари в объятия, и девушка их приняла. – Но прощаясь помни, что с этих пор твоя жизнь станет иной. Если уж повезёт. Она станет суровой, и ты должна быть сильной. Перестань думать о себе, как об обузе. Перестань быть ею. Ты важная часть как этого мира, так и вашего приключения. Сильная. И полезная. Помни, что ты уже не маленькая, трусливая и хрупкая девочка, Зари. Ты врачевательница, идущая по стопам великих предков!

Старая травница Мариг выпустила племянницу из объятий. Грустно улыбнувшись ей от мысли последней встречи, старуха прикоснулась дряблой рукой к щеке Зари. На удивление, прикосновение показалось девушке нежным. И взяв себя в руки, очень стараясь не разреветься на пороге дома, Зари отправилась в вечер, уходя на встречу со своими друзьями.

Казалось бы, людей объединяют общие точки соприкосновения, общие интересы и увлечения, общие взгляды на жизнь. Безусловно, в этом что-то было. Джеймс, Артэн и Зари вели крепкую дружбу не по тому, что совсем не были похожи друг на друга. Но в то же время... Южане крайне малочисленны. В особенности фермеры. И порой тебе приходилось дружить и общаться не с кем захочется, а с тем, кто есть. И на самом то деле, трое путешественников были во многом расхожи. К примеру:

В то время как Артэн держал путь в таверну, отвлекаясь абсолютно на всё, что происходило вокруг, а Зари двигалась к домику травницы, не замечая ничего и никого, Джеймс направился в торговую лавку. По дороге, он старался примечать всё что видит. И по тому, наблюдал внимательно. Особенно за людьми. За выражением лиц, за движением тел. Джеймс очень хотел понять, что же на самом деле чувствуют фелестинцы, живущие на юге. И в то же время, парень имел в голове чёткую цель, ради которой и держал путь. По тому, он небрежно отмахивался от старых знакомых, как бы и проявляя учтивость и в то же время, не желая терять своё время.

Добравшись до торговой лавки, Джеймс проник внутрь шатра. Зрелище, представшее перед ним, наводило тоску на дух авантюриста. Мечи? Щиты? Шпаги и копья? Лук и стрелы? Всё из перечисленного пригодилось бы в путешествие, полном опасностей. Но вместо того,

в центре лавки громоздилась свалка инструментов. Лопаты, молотки, топоры, пилы, грабли, серпы. Да вообще всё, что может пригодиться в хозяйстве. И оно понятно. Среди фермеров никогда не было воинов или солдат. Просто представьте себе касту фанатиков. Каждый фермер – он фермер во всех своих поколениях. Фермер, у которого с рождения не было ничего другого вокруг, кроме хозяйства отцов. У которого не было ничего важнее, чем сама идея быть фермером. Это путь. Это судьба. Это заостренность настолько, что её можно назвать хронической.

И это выводило Джеймса из равновесия. Он не знал откуда в нём дух неповиновения. И никто не смог втолковать ему, что ровная жизнь фермера, заботящегося только о своём хозяйстве – это хорошо. Джеймс сокрушался. Почему южане не дают отпор бандитам? Почему каждому фермеру проще откупиться от негодяев, нежели собраться всем вместе и выбить дурь из разбойников? Почему, в конце концов, каждый южанин был готов терпеть все те унижения, которые приносили с собой головорезы?

– Здравствуй Джеймс.

Из-за завалов инструментов выглянул тощий мужчина, сбивающий с рук пыль.

– Доброго дня. Вы сын дяди Колета?

– Гарид. – Мужчина протянул руку в знак приветствия. – Да. Теперь я владею лавкой.

И занимаюсь всеми торговыми сделками с севером. Признаться, не понимаю как отец не сходил с ума от всего этого.

– А дядя Колет?

Гарид вздохнул. Не столько разочарованно, сколько уставший.

– Да уж несколько лет как скончался.

– Соболезную вам.

– Благодарю. Так что же, Джеймс? Какой товар ты ищешь? Сегодня пройдёт праздник урожая и завтра сюда нагрянут все гости, которым нужно обновить инструмент для работы на ферме. Умно с твоей стороны заглянуть ко мне загодя.

Джеймс вновь окинул лавку взглядом. Помимо большой кучи барахла в самом центре, несколько инструментов пылилось и по углам. И среди старой паутины, парень разглядел деревянный щит. Он был очень маленький, словно для подростка. Больше похожий на игрушечный или, максимум, на тренировочный.

– У вас есть оружие?

– Разумеется. – Гарид обвёл руками пространство внутри лавки. Вопрос показался торговцу более чем странным. Чем ещё, по мнению пришедшего юноши, могли здесь торговать.

– Нет. Не орудия труда. Оружие! Кинжалы. Топоры. Мечи...

В помещении повисла неловкая тишина. Джеймс вопросительно смотрел на Гариду. Гарид же, в свою очередь, вопросительно смотрел на Джеймса.

– Мечи?

– Мечи. – Подтвердил парень.

– Какой странный вопрос. Для чего тебе это?

– Чтобы пользоваться. – Джеймс огрызнулся. Он не любил, когда к нему лезли с глупыми вопросами, возникающими лишь по причине бестолкового любопытства. Но, с другой стороны, фермер с мечом и правда вызывал бы много вопросов. – Мы с друзьями собираемся в путешествие. А на дорогах может быть опасно. Было бы хорошо, если бы вы просмотрели свои запасы и подготовили оружие. Завтра мы зайдём его забрать.

– Я никак не возьму в толк. Путешествие? Сколько вас? Куда и что вы собираетесь делать? Не с разбойниками же сражаться?

Торговец ухмыльнулся. Да уж, фермеры идут на войну. Ну, разве что на битву с кочаном капусты!

– У вас есть оружие? – Джеймс продолжал стоять на своём.

– Возможно... Сложно сказать вот так сразу. По идее, откуда бы ему взяться? Но с другой стороны, я всё ещё не разобрал отцовские завалы. Кто знает, что ему доставляли северяне.

– Так есть, или нет?

– Я ведь уже сказал, что не могу утверждать...

– Вы видите на моём лице интерес к вашим рассуждениям, Гарид? – Джеймс был груб и зол. Реакция торговца показалась ему крайне неуважительной. – У вас либо есть оружие, либо нет, либо вы посмотрите и дадите мне знать о результатах.

Торговец с обидой смотрел на Джеймса. Как правило, фермеры всегда не прочь пообщаться. Или даже на что-то пожаловаться. Да и Джеймс, впрочем, всегда был сторонником простых, светских бесед. Пусть и бессмысленных. Но в этот раз, его замысел был крайне важен. И парень ревностно относился к любой идее обсуждения его путешествия, предполагая всегда сомнение и неодобрение со стороны кого угодно вообще.

– Гарид. Завтра я приду купить снаряжение, что вы найдёте. И коли вы не собираетесь торговать ничем, кроме инструментов для работы на ферме, думаю для вас будет удачей избавиться от ненужного хлама. Всего доброго.

И с этими словами, Джеймс покинул торговую лавку. Он огляделся по сторонам. Солнце понемногу катилось к горизонту, но до встречи с друзьями на празднике было ещё далеко. Что же, есть время подумать о грядущем.

Пройдя немного вдоль домиков, парень присел на скамейку, расположенную возле пекарни. Она была закрыта. Судя по всему, пекарь и его помощники уже находились на главной площади, расставляя на столах хлеб и сладкие булки.

Джеймс хорошо помнил пекаря. Это был молодой, светловолосый мужчина. И он вряд ли изменился за те годы, что прошли с последнего визита Джеймса в деревню Кондина. А вот двое сыновей пекаря, теперь уже должны были быть юношами, способными помогать отцу в его деле. Это хорошая семья. Хлебодел всегда был добр и приветлив ко всем. Он обожал своё дело. И в первую очередь, это проявлялось щедростью. Пекарь угощал фермеров и их детей булочками с изюмом, раз в несколько дней. Совершенно бесплатно. Его очень радовало то удовольствие, которое приносило его дело людям. Его же дети были очень активными, но никогда не шалили. Играя в догонялки по всей деревне, они не редко оставались помочь кому-нибудь по дому и хозяйству.

Почему Джеймс вдруг вспомнил о них? Нет, семья пекаря не имела никакого отношения к жизни парня или к его будущему путешествию. Он просто вспомнил, что в общем-то любит людей. И люди, как правило, заслуживают эту любовь. Джеймс никогда не бывал на севере Фелестины, или на Ванлатаине. И уж тем более на Юдае. Он не знал, как жестоки бывают простые прохожие, или соседи по дому. Даже родственники. По тому, что южане совсем не похожи на остальных. Они в большей степени добрые и приветливые.

Эти размышления заставили Джеймса укорить себя за то, как он сорвался на торговце Гариде. Любопытство? Что же, это не порок. Можно ведь было пойти мужчине на встречу и уделить ему десять минут для общения. Завтра Джеймс обязательно принесёт извинения за своё поведение.

Но, помимо того, парень вдруг понял свою тягу к приключению. Именно эта любовь к людям и желание их защитить, в конце концов сподвигло его затеять приключение, полное опасностей. Да что уж там приключение. Сподвигло покинуть отцовскую ферму! А это, для фермера было чем-то из ряда вон выходящим.

Но Джеймс не сомневался в успехе своего плана. Он не до конца понимал, как Артэн и Зари согласились присоединиться к нему. Хотя тут и можно было провести причинную связь. Но не было никаких сомнений в том, что избранный Джеймсом путь – его судьба. Его предназначение.

Сколько бы обособлено не жили южане, они всё же слышали разные рассказы с других континентов. И Джеймс хорошо знал о подвигах Золотого Короля и других Героев. И нечто геройское, как раз и жило внутри Джеймса. Он не знал, как это объяснить, но был уверен, что должен стать именно Героем. Само собой, так было не сразу. Когда ему впервые пришла эта мысль в голову, он отмахнулся от неё. Когда фантазии о подвигах продолжили посещать парня, он посмеивался над самим собой. И тем не менее, начал усиленно тренировать своё тело. И даже удивился, насколько оно было прочным, гибким и сильным. И со временем, Джеймс принял эту идею – стать Героем. Нужно было только с чего-то начать. И вот он, вместе со своими друзьями, изъявившими желание присоединиться, находится в поисках обмундирования. Чтобы начать свой путь, помогая фермерам в их нуждах. Чтобы набраться сил и опыта, дабы в конце концов выступить против разбойников.

В размышлениях, Джеймс дождался вечера. Безоблачное небо почти потемнело, а солнце озаряло лишь закат. Должно быть, подумал парень, его друзья уже заканчивают свои дела. И, поднявшись со скамьи, Джеймс направился в сторону площади.

Подходя к ней, он заметил пляшущие огни над дереvушкой. То были факелы, установленные на верхушки деревянных столбов. Между ними же были протянуты крепкие верёвочки в несколько слоёв, на коих селяне развешали бумажные флажки, ручные поделки и кое где плетённые корзинки с фруктами. Не очень высоко, чтобы любой желающий мог отведать сочную грушу или кислую сливу.

По всей площадке были расставлены столы с яствами. В основном мясо, овощи и хлеб. Прямо во время праздника никто не готовил. Все приготовления были проведены заранее. За столиками уже сидели фермеры, собравшиеся с ближайших хозяйств. Некоторые передвигались от стола к столу, в желание поприветствовать всех старых знакомых. А одна часть площади, между основным действием и чучелом Анора, была пуста от предметов мебели, но уже заполнялась танцующими. Вокруг сидели музыканты, играющие задорную музыку. То была местная группа молодых людей, играющая на музыкальных инструментах в выходные от работы дни в таверне.

Джеймс остановился перед площадью, высматривая в толпе друзей. Но их там не было. Первая к нему подошла Зари. Она только-только возвращалась от своей тётушки Мариг, неся в руке красивую книгу. А на лице девушки виднелись следы от слёз.

– Зари. – Джеймс поприветствовал подругу. – Что случилось?

– Да так. – Махнула она рукой. – Прощалась со своей тётей.

– Звучит очень грустно.

– Она уже так стара. Не знаю, увижу ли её снова.

И девушка вновь заплакала. Джеймс обнял подругу, поглаживая её по голове.

– Так печально, что приходится с кем-то прощаться. Это самая несправедливая часть жизни.

– Наверное, так и должно быть. – Немного успокоившись, Зари отодвинулась от Джеймса. Почему-то в его объятиях было через чур уютно. – Рано или поздно, это время приходит для всех. Наверное хорошо, что мы – люди, не живём вечно. И от того ценим её.

– Я бы жил вечно, если бы мог. Мне она нравится, эта жизнь. Конечно, как я могу утверждать, что не устану от жизни, толком её не пожив. Но я всё же уверен. Этот мир, и всё что в нём происходит, слишком хорош, чтобы от него отказываться.

– Может, ты и прав.

– Хэй! – Закричал радостный Артэн, увидав своих друзей Джеймса и Зари. – Праздник в самом разгаре! Чего вы ждёте?

– Тебя. – Ответила Зари.

– Воу, что вы такие смурные стоите?

– Да так, ерунда. Вспоминаем детство.

– И чего по нему грустить? Хорошее было детство.

– Ты спросил комнату у трактирщика? – Вмешался Джеймс. Он видел, что Зари отчего-то не хотела вдаваться в подробности своего посещения травницы, а Артэн мог быть очень приставучим.

– Как... Комнату? Да! Да, конечно. Конечно спросил. Само собой. Так, а что с ней?

– С комнатой? – Джеймс уже всё понял.

– Ну да. Что с ней не так? Почему ты спросил?

– Артэн! – Прикрикнула Зари на своего парня. – Ты узнал за свободную комнату в таверне? Нам будет где переночевать?

– Ааа. Нет. То есть да, я узнал. Но нет, свободных комнат не было. К сожалению. Я пытался уговорить трактирщика найти хоть одну, когда узнал, что всё уже занято. Думал подкупить его. Или даже пригрозить. Но он всё твердил: ничего нет, даже угла нет, всё занято, всё занято. Надо было, мол, раньше приходить! А я говорю, когда? На прошлой неделе? А он мне...

– Ну хватит уже. – Раздосадованный Джеймс остановил тираду своего друга. В какой-то степени он догадывался, что Артэн увязнет в своих фантазиях и позабудет о своей задаче. Зари, к слову, думала так же.

– И где же мы будем ночевать? – Спросила она.

– Ой, да бросьте вы. Выкрутимся как-нибудь. Ты останешься у Мариг. Мы с Джеймсом или навестим товарищей, или вообще на стоге сена переночуем. Уж в этом то ничего такого нет. Думайте об этом, как о начале приключения и первых препятствиях на пути.

Все трое переглянулись. Если бы их авантюра состояла только из подобных злоключений, то прошло бы оно более чем гладко. Каждый мог только мечтать об этом. Но, с другой стороны, ребята понимали, что передряги их ожидают куда как более суровые.

– Всё! Я ведь говорил, что сегодня собираюсь как следует повеселиться. Так что хватит корчить лица в недовольных гримасах. Я иду пить брагу. И есть мясо. И громко шутить в окружении других фермеров. Не отставай, Джеймс!

Артэн аккуратно взял Зари за руку и повёл в самый разгар праздника. Джеймс смотрел, как друзья направляются к столам с яствами. Анор побери, почему бы и нет! Невзгоды – это завтра. А сегодня ещё пока есть время как следует отдохнуть перед приключением. И Джеймс отправился следом за товарищами. Вот только Артэн и Зари заняли места рядом с другой группой парней, от которых Джеймс никогда не испытывал впечатлений. Любовь к человечеству – это одно, а скучные, грубые и бездарные люди – это другое. Джеймс, конечно, не испытывал отвращения, но и тратить своё внимание считал не логичным.

Проходя между столами, Герой высматривал для себя компанию, с которой мог провести время. И совершенно того не ожидая, парень почувствовал, как его куда-то тянут. Освободившись от задумчивости, Джеймс разглядел молодых девушек, которые тянули его на площадку для танцев. Они весело улыбались ему и приветствовали по очереди. Что тут поделаешь, брюнет всегда нравился дамам. И многие из них знали Джеймса. Встреча после стольких лет воодушевляла девушек ещё больше.

Немного из-за растерянности и не понимая, как противостоять слабому полу, при том никого не обидев, парень очутился в толпе танцующих людей. Их было много. Постепенно кто-то уходил для отдыха и перекуса, но на место старых танцоров, тут же приходили новые. Девушки, окружавшие Джеймса, были полны воодушевления и задора. Их глаза и улыбки светились, ведь на Юге было не так уж и много праздничных дней. Во всяком случае, таких масштабных. И Джеймс всё же заразился беззаботной радостью. Начав с небольшого покачивания, при этом отвечая скромной улыбкой танцующим вокруг него, парень вошёл во вкус, слившись в итоге в одном ритме с собравшимися. Лица перед ним сменялись. Все на площади кружились и смеялись, танцую с разными партнёрами. И спустя несколько мгновений, она предстала перед ним.

Джеймс затаил дыхание, всего на секунду, тут же продолжив свой танец. А перед ним, в чарующих движениях, предстала Сира – танцовщица, выступающая в деревне Кондина каждые выходные. Её обожали все. От мала до велика. Мужчины и женщины. И было за что. Сира была невероятно красива, высока и стройна. Формы её тела – высокая, крупная грудь, выделяющаяся талия, упругие бёдра и пышные ягодицы, вызывали в людях и восхищение и зависть.

На Сире был надет плотный, походный лифчик оранжевого цвета, слегка поддерживающий её грудь. Бёдра опоясывали зелёные трусы, от которых до пола тянулись разноцветные обрезки ткани. По форме они напоминали узкие листья, зелёного и оранжевого цвета. Во время танца, лепестки развивались по воздуху. На запястьях рук висели позолоченные браслеты, на пальцах покоились кольца. Сандалии представляли из себя подошву с перехлёстывающими крест на крест нитками кожи, доходившими почти до колена. Пупок был проколот позолоченной брошкой, а в ушах торчали большие, круглые серьги.

И эта красавица с тёмными волосами, переплетёнными на макушке и распущенными в длинный хвост, с раскосыми, зелёными глазами, танцевала сейчас напротив Джеймса. Верно, что все в деревне Кондина и с ближайших земель знали и обожали Сиру. Но и Джеймс не был исключением. Может быть, он никогда в тайне не мечтал о красавице танцовщице, но всё же разделял всеобщую любовь к девушке. И помимо природной красоты, она обладала даром обворожительного языка тела. Её движения в танце были изящны и плавны. Сира танцевала с Джеймсом, едва его не касаясь. Близко. Сексуально. Она пробуждала в людях желание, и он охотно разделял её своим взглядом. Сира видела это. Ей нравилось то, какие эмоции она пробуждала в людях. Само собой, ей это льстило. И молодой человек напротив неё показался ей привлекательным. Поглощаемые атмосферой праздника и напряжённостью между ними, Джеймс и Сира в итоге приняли эту игру.

Оба, они в раз стали смелее. Сира первой начала прикасаться к парню. Она то прижималась к его груди, то касалась его щёк, то проводила руками по волосам. Джеймс делал почти то же самое. Его привлекало лицо девушки – для Джеймса это была самая важная деталь общей красоты в женщине. Он так же ласкал её, но всё чаще опускался руками вниз, к талии. Сира почувствовала интерес парня к своим ягодицам. Что же тут удивительного, подумала она и повернулась к нему спиной. Он положил свои руки на оголенный живот Сиры, а она плотно прижалась к его паху, продолжая покачивания бёдрами. Опьянённый моментом, Джеймс возбуждался. Сира то же. Вновь развернувшись к парню лицом, девушка полностью прильнула к нему, прижавшись грудью. Она практически повисла на нём. Их дыхания встретились, схлестнулись, и в тот же миг они соединились в поцелуе. Это был страстный, но короткий поцелуй. Оторвавшись от его губ, увлечённая Сира целовала Джеймса в подбородок, шею, опускаясь ниже. Она распахнула его рубашку, чуть не поотрывав пуговицы и продолжила свой марш из поцелуев вдоль груди и живота. Они были полностью увлечены страстью, так же как люди отдались празднику и танцам. Южане раскрепощённый народ, получающий удовольствие от всех доступных и простых способов этой жизни. Вновь поравнявшись глазами, Джеймс и Сира продолжали танец под ночным звёздным небом, закрыв глаза от удовольствия.

В это время, над деревней Кондина поднималось зарево. Праздничное настроение, царившее на главной площади, неожиданно оборвал пронизывающий крик боли и страдания.

Глава 2. Скверный Урожай

Кто-то из жителей деревни Кондина остался дома в тот вечер, когда все сельчане и приезжие отдыхали и веселились на празднике урожая, увлечённые раскованными и смелыми танцами. И когда на окраине деревни послышался первый крик, наполненный болью, лишь единицы отдыхающих почувствовали нечто неладное. Но когда небо над домами окрасилось в яркое, красное зарево, заполненная людьми до отвала праздничная площадь взбудоражилась.

Послышался треск горящего дерева. Снова раздался крик. Послышался стон. А вместе с ними, лихое завывание. На деревню Кондина напали разбойники...

В одно мгновение, праздник превратился в катастрофу. Собравшиеся повскакивали со своих мест. Женщины махали руками, мужчины старались хоть как-то организовать движение для начавшейся паники. И кричали абсолютно все.

Дело было в том, что головорезы уже не раз навещали деревню Кондина. Они всегда вальяжно и спокойно заходили, собирали любезно предоставленные фермерами припасы и убирались восвояси. Иногда, переполненные особой дерзостью, бандиты требовали отдать в рабство двух-трёх крепких мужчин для работ, или женщин для утех. Фермеры соглашались и с этим. Но сегодня ночью всё было иначе. Доносящиеся с окраины поселения крики и мольбы о пощаде. Разгоревшиеся и полыхающие в пожаре жилища южан. Выскочившие на площадь всадники с оголёнными саблями. Это был самый настоящий кошмар, о котором никто не мог и подумать.

Люди на площади бежали кто куда, бросившись в разные стороны. Каждый надеялся на спасение. Музыканты, до этого сидевшие вокруг площадки для танцев, побросали свои инструменты. А танцующие в панике сбили Джеймса с ног. Парень завалился на спину и Сира, танцевавшая в паре с ним, упала на него сверху. В тот же миг, Джеймс перевернул девушку на спину и закрыл своим телом. Он побоялся, что поддавшиеся панике люди затопчут танцовщицу. И оказался прав, когда почувствовал, как чужие ноги отплясывали по его телу и голове.

Убегающие фермеры носились по площади взад-вперёд. Десятки разбойников преграждали людям путь. Пешие воины размахивали саблями, мечами и кинжалами. Иногда они хватали людей и резали их сталью. Земля покрывалась кровью под ногами. Некоторые головорезы держали в руках факелы. Они пугали людей огнём, прижигали руки и лица пробегающим мимо. Поджигали дома. Всадники на лошадях орудовали кнутами, совершая удары в толпу.

Всё это происходило под сопровождение какофонии звуков. Бандиты выкрикивали бранные слова, обзывая людей свиньями. Напавшие явно были навеселе, изрядно набравшись ещё с раннего утра. Фермеры же кричали и стонали от боли. Многие корчились в муках. Повсюду была боль. Кто-то бегал по площади, охваченный огнём. Кто-то тушил своё лицо руками. Кто-то старался удержать внутренности, вываливающиеся через глубокие и широкие порезы. Кто-то держался за рассечённое на двое лицо, после шального попадания по нему кнутом.

Всадники набрасывали петли на шеи южан. И как только человек падал на землю, бандит прищипывал коня, волоча тело по всей деревне. Двое бандитов подожгли чучело Анора. Это должно было стать кульминацией праздника. Фермеры собирались просить Бога не опалить солнцем посевы, но вместо того молили его о спасении. Разбойники же благодарили за удачное нападение, проливая кровь невинных в его честь. Все на Фелестине по-разному восхваляли одних и тех же Богов.

Джеймс осторожно поднял голову. Перед своими глазами он наблюдал, как преисподняя низвергалась на землю. Он и никто другой никогда не были свидетелями кровопролитных сражений. Но то, что случилось сегодня, казалось сущим кошмаром.

Парень попытался зацепиться взглядом за толпу людей, надеясь увидеть своих друзей Артэна и Зари. Нет, это не имело никакого смысла. Ищущие спасения мелькали перед глазами.

Джеймс бросил эту затею, лишь надеясь на благополучие товарищей. Тревога горестью отозвалась у него в груди. И всё же, ему было о ком позаботиться. Брюнет опустил взгляд. Прямо под ним, прижатая к земле, рыдала Сира. Танцовщица плохо понимала происходящее. Всю свою жизнь она получала от других только восторженные взгляды и комплименты. Радовалась своей судьбе и своему быту. Вкусно питалась, танцевала, витала в облаках. Ничто и никогда не заставляло девушку задуматься, что мир вокруг может быть жесток. Даже самую малость. Хотя бы обычный конфликт, сопровождаемый грубостью и бранью. И тут такое. Насильственная смерть. С особым изуверством.

– Вставай. Нужно убираться отсюда.

Девушка не реагировала. В слезах, её лицо казалось размытым пятном. Желание помочь убрать этот беспорядок могло бы возникнуть в мыслях брюнета, но только всё было не до того. Джеймс приподнялся. Он ухватил девушку под руки и заставил её встать на ноги. Последние отказывались слушаться танцовщицу, подминаясь на ровном месте. Это было не дело. Парень осознавал, что так у них ничего не выйдет. И пока они вдвоём оставались без должного внимания разбойников, он опустил Сиру обратно на землю, снова наклонившись перед нею.

– Давай же. Надо уходить. – Ладонями он убрал выделения с лица девушки и крепко ухватил её за плечи. – Нужно собраться и спастись. Сира! Я помогу. Помогу и буду рядом. Обещаю, что защищу тебя. Пожалуйста, доверься мне и вставай.

Девушка качнула головой в знак согласия. Его взгляд придал ей большей уверенности, чем слова. И поддерживаемая Джеймсом, она встала на ноги. Её тело всегда было крепким и выносливым, отчего слабость в ногах пугала. Но руки брюнета держали Сиру крепко. Она и правда чувствовала себя более надёжно, ощущая его поддержку.

Джеймс внимательно осмотрелся по сторонам. Геройство в его сердце кричало дать отпор врагу. Но здравый смысл утверждал, что затея была бы безнадёжной. Мало того, сейчас он обязан был спасти Сиру, а потом уже рисковать своей жизнью. И парень внимательно следил за разбойниками. Фермеры продолжали бегать по площади не находя спасения. И виной их печальных исходов была паника. Джеймс же был сосредоточен, наблюдая за направлением внимания бандитов. Выжидая подходящего момента. И стоило только появиться небольшому коридору, свободному от скопления головорезов, как Джеймс тут же потянул танцовщицу за собой.

Пробираясь по площади на полусогнутых, парень и девушка миновали опасность в лице разбойников. Иногда прячась за другими фермерами, иногда за перевёрнутыми столами, в тени дома, ещё не охваченного огнём. А иногда лишь за счёт большой удачи и случайности. И всё же им удалось проскочить на улицу, выходящую к центральной площади. Джеймс тут же прижал Сиру к стене. На дороге было три бандита. Они увлечённо забрасывали в окна домов горящие палки и факелы.

Пробираясь вдоль дома, Джеймс проскользнул в переулок. Девушка следовала за ним, хотя скорее её тянули за руку. Над головами горели крыши фермерских хижин. Брюнет же остановился подле забора. Он хотел как можно больше избегать улиц, на которых орудовали бандиты. И отойдя на шаг, Джеймс со всей силы ударил ногой в забор. Доска сломалась на пополам. Ещё один удар и снова сломанное дерево. Решив, что такого прохода будет достаточно, Джеймс остался доволен собой. Он полез первым, раздвигая доски забора в разные стороны. Оказавшись во дворе чьего-то дома и придерживая лаз, парень позвал Сиру. Она так же пробралась за ним.

Во дворе дома казалось относительно тихо. Джеймс и Сира неспешно передвигались, стараясь перевести дух. А парень размышлял, сколько ещё заборов ему предстояло разрушить. Как вдруг он остановился. Танцовщица прижалась к брюнету, вглядываясь в его лицо.

– Что случилось?

Но Джеймс не ответил. Неподвижный, он старательно прислушивался и наконец убедился – ему не показалось. Это был тихий, детский плач. Герой покрутил головой, стараясь понять точное направление, откуда он доносится. И выбор пал как раз на небольшой домик, крыша которого полыхала.

– Стой здесь.

– Что стряслось? Что происходит? Куда ты? – Сиру вновь наступал страх. Она отчаянно пыталась зацепиться за Джеймса руками, когда тот отпустил её и направился к дому.

– Постой. Ты слышишь? Кто-то застрял в доме.

– И ты пойдёшь туда?

Девушка была в ужасе. Ей никогда не приходила в голову мысль, что может понадобиться быть такой смелой. Спасти человека безусловно благородно. Но ведь не ценой своей жизни?

Джеймс так же никогда не задумывался о том, чтобы попрощаться с этим миром. Но и не помочь в беде не как не мог. Всем телом он навалился на амбарные ворота. Дерево податливо затрещало и перед парнем предстало обширное помещение. Дым тут же повалил на улицу, ударив в лицо и вынудив прослезиться. Прикрывая лицо рукой, Джеймс неспешно зашагал внутрь. Огонь уже разбредался по потолочным перекладинам вниз, но едкий дым всё равно мешал обзору. Парень прокричал в пустоту и с облегчением услышал ответ. Детский голос продолжал звать на помощь.

– Я иду! Держись!

Джеймс направился в сторону кричавшего ребёнка, хотя голос последнего, очевидно успешного надыхаться дымом, становился всё тише. Брюнет двигался, держась руками за стены, которые уже обжигали. Он старался ступать аккуратно, ведь на полу лежали обломки крыши. Может быть, парень слабо различал вдали, но на расстоянии вытянутой руки он видел достаточно. И когда Джеймс наткнулся на обгоревшее тело взрослого человека, придавленного балкой, его чуть не вывернуло наизнанку. Пусть за сегодняшний день Джеймс и стал свидетелем множественного насилия, но так близко и отчётливо смерть ещё не представляла перед ним. Его затрясло. Ноги вонзились в пол, не желая повиноваться. Джеймса изнутри разрывало множество чувств злобы и негодования, ярости, презрения, ненависти и обречённости. Его душу терзала чужая, бессмысленная смерть и ещё больше, страдания выживших, лишившихся родных и близких. Во всём этом зверстве просто не было никакой нужды. Неужели человек или люди, могут вот так запросто ломать чужие судьбы и лишать жизни? Как можно здраво объяснить бессмысленные убийства? На ум Джеймса пришло лишь одно слово. Выродки. Больные ублюдки! Дав бандитам такую оценку, Герой собрал воедино всю свою волю, собрался с мыслями и вновь продолжил движение вдоль плавающих стен. Ведь чья-то жизнь до сих пор нуждалась в спасении.

Сира в это время оставалась снаружи. Она никак не могла осмелиться на подобный риск, испытывая страх перед опасностью. Но в то же время, девушка убеждала себя, что создала бы больше помех для своего спасителя, нежели могла бы ему помочь. С одной стороны, такое мышление могло показаться оправданием для трусости. С другой же – истинной правдой и проявлением здравого смысла. Танцовщица никак не могла помочь парню, ворвавшемуся внутрь горящего здания. Она лишь с ужасом в глазах наблюдала, как силуэт Джеймса всё сильнее размывался густой дым от огня, пока совсем не исчез в пасти деревянного чудовища. Сира вздрогнула. Холод пробежал по её спине. Ведь он обещал, что позаботится о ней... Она держалась за высокого брюнета как за единственную соломинку, придающую ей сил. А теперь он оставил её, исчезнув из вида. К сожалению, одной ей долго быть не пришлось. Сира в один миг почувствовала, как крепкие, грубые руки схватили её, закрыв грязной ладонью её рот так, чтобы она не могла издать и звука. Зрачки девушки расширились. Она взбрыкнула, попытавшись избавиться от враждебной хватки, как разбойник тут же повалил танцовщицу на землю. К ним

присоединился ещё один головорез. Оба, они навалились на девушку, сковывая все её движения. Сире становилось всё труднее дышать, пока в конечном счёте глаза не заволочла тьма.

Внутри дома, Джеймс наконец разглядел очертания маленького человека, сидевшего поджав колени в углу. Сердце брюнета на секунду возликовало, но раздражающий горло кашель вернул парня в суровую реальность. Герой уже вдоволь надышался дыма. Лёгкие жгло. Голова кружилась как при двухдневном, беспробудном запое. Джеймс бросился к ребёнку уже не разбирая дороги. Приблизившись, парень вытянул руки, обхватив детское туловище. Мальчик, на последнем дыхании оставаясь в сознание, протянул свои ручки навстречу, обнимая подошедшего на помощь человека. Крепко схватив и прижав ребёнка, Джеймс с трудом поднялся на ноги. Нужно было как можно скорее покинуть горящее здание. Силы брюнета были на исходе. Он задержал дыхание и направился к выходу, где его ждала Сира. Но не дышать не получалось. Джеймс уже боролся с поражением из последних сил, не осознавая того жадно хватая воздух ртом. Горящая балка с треском повалилась, чуть не прибив парня с ребёнком на руках. И всё же они смогли выбраться. Смогли дойти до конца. Как только ноги Джеймса пересекли ворота и очутились на мягкой земле, он повалился на колени. Но пусть и без сил, падая, Джеймс не выпустил мальчика из рук. Стоя на коленях, Герой наклонился и опустил ребёнка на землю. Лицо мальчика было чёрным от копоти, глаза закрыты. Грудь не вздымалась. Не дышит. И с этой мыслью, сердце Джеймса сильно стукнуло изнутри. Что же делать? Ведь он и сам уже готов потерять сознание. Брюнет, продолжая стоять на коленях, выпрямил спину и поднял глаза. Но Сиру он так и не увидел. Вместо того, почувствовав сильный удар в висок, Джеймс без сознания завалился на бок.

Деревня Кондина полыхала. На улицах, озарённых ярким пламенем, лежали тела убитых. В основном стариков, иногда мужчин и женщин, ещё реже детей. Трупов было немного – разбойники старались брать пленных, ведь они наведались в поселение, чтобы поживиться самым главным и важным ресурсом южной Фелестины – рабочей силой.

Бандиты проводили захват несколько часов. Да, обычные головорезы, выбравшие стезю бандита желая разгульной жизни и не имея десятилетиями тренировок за плечами, не шли в сравнении с рыцарями. Но порабощение фермеров растянулось не по тому, что негодья были слабы и не опыты. Да и сами южане, что жизнь кладут на полях с пшеницей да кукурузой, не то, что никогда не держали в руках оружия. Они просто не понимали, как можно дать отпор врагу. Эдакие ягнята, которых ведут на заклание, с редчайшими вспышками неумелого сопротивления. Нет, столь долгий захват деревни обуславливался лишь куражом. Те зверства, которые простым жителям казались отвратительными и мерзкими, для бандитов являлись забавой. Изрядно набравшись накануне нападения, головорезы с хохотом и гоготом, играючи и кривляясь резали и жгли живых людей. Больные мрази, не знавшие управы. Вот контингент разбойничьего клана Южной Фелестины.

Этот клан носил название Железный Кулак. Из четырёх разбойничьих кланов, Железный Кулак считался самым кровожадным и беспощадным. Но скорее от того, что из всех, именно Железный Кулак чаще прочих наведывался на фермерские угодья, устраивая разбои. Бандиты не славились ни дисциплиной, ни навыками. По существу, Железный Кулак состоял из нескольких выдающихся генералов, одного вожака и пяти десятков головорезов. До недавних пор все четыре разбойничьих клана были схожи и дружны друг с другом. Однако, времена меняются для всех. Вожак клана Чёрной Стали замкнулся в себе, всё реже контактируя с представителями остальных бандитских шаек. О клане Молота и Топора уже несколько месяцев не было вестей. И только клан Песни Теней, состоящий исключительно из эльфов, продолжал активно сотрудничать с Железным Кулаком.

И так, деревня Кондина продолжала гореть. Пламя не потухнет до самого рассвета, а может и дольше. Уж бандитов это никоим образом не беспокоило. Все они собрались на главной площади поселения, где отбирали выживших, пророча им судьбу рабов. Сильные и молодые мужчины, хоть сколько-нибудь привлекательные женщины, перспективные подростки, некоторые старики и старухи, обладающие полезными навыками и способные воспитывать детей, которых в будущем ждало всё то же рабство. Всех этих людей заковывали в кандалы, надевали стальные ошейники и приковывали к единой цепи. Остальных неугодных, негодяи умерщвляли на месте.

Джеймс пришёл в себя лёжа на земле. Голова раскалывалась, но тьма довольно быстро рассеялась, позволив парню отчётливо видеть. Герой почувствовал, что его руки и ноги свободны. Должно быть головорезы не знали, как скоро сознание вернётся к нему и вернётся ли вообще. Джеймс немного приподнял голову. И на фоне горящего чучела Анора, увидел вереницу измученных фермеров, сидящих на коленях и в кандалах. Среди толпы покалеченных людей, брюнет разглядел Артэна и Зари. Они сидели рядом. Несмотря на побои, разорванную рубаху блондина, пара была жива. И на мгновение, сердце Джеймса забило ровнее. Парень выдохнул с облегчением, как тут же ярость вновь охватила его. Ведь заслуживающие праведного возмездия разбойники никуда не делись. И все совершенные ими зверства не оказались лишь кошмарным сном.

Но прежде чем подняться, Джеймс вновь окинул взглядом выживших. Он искал Сиру и мальчика, которого спас из горящего дома. И было сложно сказать, что окончательно разгневало Героя.

Герой не сразу разглядел девушку, танцевавшую с ним на празднике урожая. Вдоль толпы расхаживали бандиты, рассматривая пленных. Они выбирали кому оставить жизнь, а кого лишит этого сокровенного дара. И когда один из головорезов сместился лишь на пару шагов, Джеймс увидел её. Сира сидела на коленях перед разбойником, опустив голову. Её верхняя часть одежды была разорвана, а на оголённой груди висели обрывки ткани. Руки девушки, скованные за спиной, то и дело приходили в движение. Мучимая стыдом, она хотела прикрыть свою наготу, но понимала, что не могла этого сделать. А через мгновения, она вновь забывала про кандалы, желая прикрыть грудь руками. Снова и снова удручаемая невозможностью этого сделать. Побитым, раненым и униженным фермерам можно было отдать должное. Люди в плену учтиво отворачивали свои взгляды от танцовщицы. Хотя та и желала их участия, надеясь на помощь со стороны, а вовсе не преисполненная благодарности за бессмысленную учтивость. Но пленники никак не могли помочь. Напротив, бандиты же не оставляли Сиру без внимания. Они жадно разглядывали голую грудь девушки, о чём-то горячо ведя спор. Вооружённые мужчины подзывали своих товарищей, приглашая полюбоваться добычей и вновь подошедшие без стеснения подходили поближе. Они расхаживали вокруг девушки, довольные созерцаемым, трогали руками её грудь, взвешивали на ладонях, дёргали и выкручивали соски. Когда бандиты требовали, Сира поднимала голову и смотрела на истязателей. Глаза её были наполнены слезами. Головорезам это нравилось. Они хохотали, подмигивали танцовщице, обзывали грязными словами, делились планами на будущие утехи и даже плевали на неё.

А в стороне от всего этого действия и концентрации внимания, лежало одинокое тело мальчика. Джеймс узнал в нём ребёнка, которого вытащил из горящего дома. Мальчик был мёртв. На его теле не виднелись следы насилия. Скорее всего, бандиты притащили его на площадь вместе с Джеймсом и Сирой. Тогда, ребёнок показался им живым. Но детские лёгкие не смогли пережить всего того дыма, которого он наглотался, сидя в горящем доме над телами погибших родителей. Да, бандиты не добились мальчика своими руками. Но только они и никто другой, были причиной его смерти.

Джеймс буквально обезумел. Он не рычал как медведь, его глаза не загорались красным светом, как у берсерка. Брюнет никогда не был воином, не знал особых приёмов и техник, не обладал уникальными талантами. Со стороны он казался всё тем же простым фермером. Но внутри него гремел вулкан негодования. Буря ненависти и презрения. Желание уничтожить всех виновных и способных к злодейству. И он поднялся на ноги. Его мышцы сокращались. Герой был полностью напряжён и что-то совсем новое зарождалось внутри него. То, о чём он грезил последние годы. Некая сила, полностью меняющая восприятие своего собственного тела. Но это не было волшебством. Это были чувства справедливости вместе с желанием отмщения, перемешанные с верой в себя самого.

– Смотри. Этот ещё живой.

– Так надень на него кандалы и бросай к остальным.

Худой мужчина, с чёрными, слипшимися волосами и кинжалом на поясе, взял с принадлежащей бандитам телеги железные кандалы. Размахивая ими, разбойник поравнялся с Джеймсом. Зная о слабости и беспомощности фермеров, воина крайне разозлил взгляд, который бросил на него брюнет. В этом взгляде читались ненависть и дерзость, готовая дать отпор недоброжелателю.

Бандит отцепил с пояса меч. Нужно было проучить дерзкого парня, хорошенько приложив рукоятью по голове. Разбойник вальяжно занёс над собой руку с мечом, но удара не последовало. Совершенно неожиданно для бандита, обычный фермер схватил его за руку, останавливая удар. И тут же последовал ответный замах, но уже ногой. Джеймс угодил вооружённому бандиту по внешней стороне колена. Послышался слабый хруст и мужчину подкосило. Бандит опустился на целую ногу и застонал.

Это не осталось незамеченным. Двое других разбойников неподалёку застыли, внимательно разглядывая фермера. Для них это была совершенно новая картина, ведь ни разу доселе ни один южанин не осмеливался дать отпор. Но оцепенение быстро спало. То, что их товарищ оказался повержен, да так быстро, разгневало головорезов. Они схватили своё оружие и подбежали к Джеймсу. А Герой в это время выкрутил руки мужчине, которого успел обезвредить, отобрав его меч. И тут же принял стойку, в которой был готов обороняться.

Однако, с каким бы оружием в руках не стоял фермер перед бандитами, они всё равно не были способны воспринимать его всерьёз. Следующий бандит набросился на Джеймса, нанося ему смертельный удар. Но Джеймс увернулся. Он нырнул навстречу разбойнику, в тот же момент нанося скользящий удар мечом от пупка до правого бока. Кровь брызнула на землю, а за ней упало и тело бандита. Третий головорез, следовавший позади уже погибшего товарища, не успел даже удивиться случившемуся. Джеймс, ни на минуту не расслабляясь, вновь совершил размашистый удар, но уже выше, полоснув врага по горлу. И снова брызнула кровь, попав на Героя. А тело бандита моментально ослабнув опустилось на колени и завалилось на спину.

Среди закованных в цепи фермеров раздалось аханье. Они были удивлены не меньше бандитов. Но возглас южан был мало похож на нотки радости и надежды. Напротив, их голоса были преисполнены страха, ведь за дерзость одного, могли поплатиться все. Но в отличие от фермеров, неспособных принять участие в сражении, разбойники со всей площади неслись в сторону Джеймса, оголяя свои мечи и кинжалы. Отпор со стороны обычного южанина был настолько необъяснимо дик, что воины так и продолжили бы безрассудно набрасываться на Героя, если бы не прозвучавший грубый голос в толпе.

– Стойте!

И бандиты остановились. Терзаемые злобой, они оглядывались и расступались, пропуская вперёд своего предводителя. Это был высокий мужчина с чёрными волосами и серыми вкраплениями. Волосы опускались до плечей, а чёлка была убрана назад. Лицо бандита было грубым, с кустистыми, нависшими над глазами бровями, крупными губами и карими глазами.

С правого плеча свисал плащ. Через весь кожаный жилет пролегал ремень, удерживающий на спине двуручный меч. Штаны подпоясаны, а с ремня свисали игральные кости в качестве аксессуара. Высокие сапоги с железным носком. Среди всех разбойников, главарь выглядел действительно угрожающе. Чувствовалось, что мужчина уже давно занимается разбоем, имеет большой опыт и, вероятно, даже сталкивался в боях с рыцарями севера.

Разбойник вышел вперёд, повстречавшись с Джеймсом лицом к лицу. Выражение взгляда главаря не предвещало ничего хорошего для южанина. В глазах читался вызов, насмешка и смертельная опасность.

– До чего странные времена. – Громко сказал главарь банды, не забывая надменно ухмыляться. – Фермер, одолевший троих моих людей! Что ты о себе возомнил?

– Ах, вот и самый болтливый. – Джеймс входил в азарт, удовлетворённый своими достижениями. Он рассчитывал начать героический путь с охоты на злых волков, а никак с убийства сразу трёх разбойников. Но коль дело пошло так хорошо, зачем останавливаться. – В моём лице ты видишь месть за все те зверства, за кои несёшь ответственность.

Успех Джеймса, на самом деле был не столь уж необъясним. Разбойники всего лишь лодыри, не желавшие работать. Они выбрали разбой, взяли оружие в руки и по тому были опасны для простых южан. Но многие ли из них действительно имели боевой опыт или годы тренировок за плечами? Вряд ли. Куда охотнее проводить дни плескаясь в выпивке и женщинах, взятых в плен всё у тех же фермеров. Джеймс же не просто верил, что его судьба быть Героем. Парень не размышлял об этом лёжа на стог сена или печи. Нет, он более десяти лет, ежедневно тренировался. Сам или со своим другом Артэном. Пусть и деревянными палками или на кулаках, но в сухом остатке Джеймс и правда был более искусен, чем каждый второй головорез из клана Железного Кулака. Вот только Кристан – главарь бандитов, был уже совсем другого теста.

– Месь? Ха ха. Карающая Длань, может быть? Ты шутики со мной шутить будешь? Ты всего на всего жалкая свинья, пасущая других свиней. Засранец, решивший, что может открыть на меня свой рот! Хочешь поиграть в рыцарей? Что же. Давай сыграем. В эту короткую для тебя игру.

Кристан вытащил из-за спины свой увесистый меч, ухватился за рукоять двумя руками и стал сокращать расстояние до фермера. Джеймс напрягся, приготовившись защищаться, но замешкал. Бандит не бросился в бой сломя голову, и брюнет решил поступить так же, выжидая атаки. В брезгливой ухмылке бандита можно было прочесть, что он уверен в своём полном превосходстве. Но всё равно, он действовал иначе. Будто осторожнее. Будто опытнее.

Двое врагов ходили вокруг, внимательно наблюдая друг за другом, пока бандит не совершил первым свой выпад. Кристан вдруг резко дёрнулся вперёд, высоко заноса над головой меч. Джеймс снова замешкал и не успел провести контратаку. Вместо этого, южанин попытался отразить атаку. Своим коротким мечом он сумел отвести удар разбойника в сторону, но Кристан не собирался останавливаться. Бандит вновь замахнулся, обрушивая на Джеймса один удар за другим. Фермер защищался. Подобный напор возымел успех, дезориентировав парня. Он с трудом отбивал атаки, а клинок в руке предательски вибрировал. Нужно было что-то срочно менять.

И Джеймс просто отбежал назад. Бандит опешил. Сколько бы воины на его памяти не сходились в бою, всегда это было противостояние до конца. Даже если один активно давил своими атаками, второй никогда не убегал. Так просто никогда не делали. Хотя, с другой стороны, что можно было взять с фермера.

– Трус! Думаешь тебе есть куда бежать?

Но сколько бы бандит не собирался выплеснуть слов, Джеймс заставил его замолчать. Бросив в него свой клинок. В полном удивлении и достаточно неловко, Кристан отбил в сторону летящее в него оружие. Так тоже никто не делал. И не мудрено, ведь никто в здравом

уме не станет выбрасывать единственное, чем можно защищаться. Но для Джеймса это был единственный вариант переломить ход схватки. Бросив во врага клинок, Герой не стоял в ожидании результата. Пока негодяй отбивал летящее в него оружие и находился в недоумение, фермер быстрым рывком сократил дистанцию, приблизившись к врагу вплотную. И нанося удар кулаком в бок головореза. Эта неожиданная боль заставила Кристана пошатнуться и скривиться в лице. Джеймс ухватился руками за затылок оппонента и рванул его голову на встречу со своим коленом. После этого, Кристан заплетаясь ногами повалился на спину, выронив из рук свой меч.

По рядам бандитов прошёл шепоток недовольства. Кристан был их предводителем и ему совсем не к лицу было терпеть поражение от простого фермера. Но всё же, разбойник не был повержен окончательно. Всё-таки, грубый мужчина не был так прост. И после падения, он тут же собрался и вскочил на ноги.

– Заткнулись все! – Рывкнул Кристан на своих солдат.

Нос предводителя сильно кровоточил и скорее всего был сломан. Кристан обернулся в сторону южанина. А Джеймс уже стоял напротив, держа в руках двуручный меч, ещё секундами ранее принадлежащий бандиту. Кристан испытывал невероятную злобу. Он потребовал у своих людей дать ему оружие и вооружившись мечом, занял боевую стойку. Проиграть он никак не мог. От этого зависела его репутация среди разбойников. Да и он всё ещё находился в состоянии самоуверенности. Небольшое поражение от фермера, Кристан обязательно объяснит как чистую случайность. Сразу после того, как порубит дерзкого парня на мелкие кусочки.

Но стоило только бандиту замахнуться мечом, громко закричав от ярости, как стрела вонзилась в икроножную мышцу Джеймса. От жгучей боли, фермер моментально опустился на колени. Он выпустил из рук меч, который позаимствовал у соперника и ухватился за пернатый кончик стрелы. Было очень больно. Откуда она прилетела? Кто вмешался в поединок? Неужели кто-то из головорезов? Нет, даже Кристан бы в это не поверил. Ни один из его солдат не осмелился бы вмешаться, тем самым накликав на себя гнев предводителя.

Кристан застыл напротив своего врага. Меч бандита выжидающе повис над головой, готовый в любой момент обрушиться смертельным ударом. Бандит негодовал, ведь на глазах у толпы у него отобрали шанс реабилитироваться. И он хорошо знал, кто был тому виной. Но зачем?

Ответа не пришлось ждать долго. Послышался свист раздирающий воздух и ещё одна стрела вонзилась в плечо фермера. И Кристан понял – по какой-то причине эти стрелы несли спасение не ему, кто и так уже был в полушаге от победы. Эти стрелы спасали самого Джеймса, как бы странно это не было. Бандит знал лучника, всё это время следившего за деревней Кондина. И этот лучник мог с лёгкостью убить фермера, однако обе стрелы не заделали важных органов тела. И Кристан, громко выругавшись, бросил в сторону свой клинок, ещё минутой назад забвением нависающего над южанином.

Ночь никак не торопилась заканчиваться. На небольшом возвышении, на фоне полыхающих домов деревни Кондина, стояли три всадника. Крупный мужчина в латных доспехах, женщина в длинном плаще с капюшоном, и ещё одна женщина в кожаных одеяниях. Последняя перекинула свой лук за спину, и тетива прижалась к её груди. Все трое были бандитами. Равноправными соратниками Кристана, поведшего этой ночью головорезов на захват фермерского поселения. Мужчина и женщины переглянулись. Они видели всё, что происходило в деревне и, кажется, представление подходило к концу. Пришпорив лошадей, все трое отправились к кострищу, которому к утру суждено было стать пепелищем.

Глава 3. Путешествие не туда

Приключение, в котором трое фермеров собирались принять участие, разворачивалось совершенно не по плану. Вместо патрулирования фермерских угодий, охоты на диких зверей, причалов у лазуревых озёр и полуночных бесед у костра, на долю Джеймса, Артэна и Зари выпала совсем другая судьба. Вместе с парой десятков выживших фермеров, их пленили разбойники клана Железного Кулака.

Вдоль южного тракта растянулся небольшой, бандитский караван. Кони тянули повозки с нажитым добром. Пшеница, кукуруза, подсолнух, капуста, разные овощи, яблоки, груши и много чего ещё. В одной из повозок лежал Джеймс. Он чувствовал жар, а его раны от стрел жгло болью. Сквозь туман в голове, он различал лишь обрывки фраз. Бандиты спорили, был ли смысл брать с собой фермера. Мало кто верил, что парень выживет. Но некая женщина считала, что дело того стоит.

– Если выживет, то сумеет нас развлечь. Он сильный, ты сам это видел.

Всадница ехала рядом с повозкой, в которой лежал южанин. Девушке было лет тридцать. Её светлые волосы были сплетены в толстую косу, опускающуюся до лопаток. Кожаная куртка с коротким рукавом и вырезом на груди, перетянутым бордовыми нитками крест на крест, была заправлена в узкие штаны, хорошо подчёркивая её спортивную фигуру. Через правое плечо был перекинут колчан со стрелами. Через левое деревянный лук, из которого она и поразила Джеймса в ногу и плечо. Упругая грудь девушки почти не покачивалась во время езды.

Её собеседник недовольно огрызнулся. Кристан всё ещё был крайне зол, что ему помешали расправиться с дерзким фермером. Его честь среди разбойников была запятнана, а лучница так просто поднимала эту тему перед всеми. Это раздражало.

– Даже если доживёт до вечера, он помрёт в ближайшие дни.

– Тебе бы этого хотелось, правда? Ты глупый, Кристан. Ты мог бы признать потенциал парня, взяться за его обучение, а потом перед всеми хвалиться, что лично обучил нового чемпиона.

– Не смей меня! Никто в Железном Кулаке не сравнится с Ману. Этот фермер мог бы стать твоим ручным пёсиком и не более того, Кхалис. Вот только он вряд ли успеет поработать своим язычком! – Кристан громко расхохотался от своей собственной шутки.

– Правда? Что же, если он умрёт, я буду говорить, что у него был шанс. А вот тебе не оказаться между моих ног ни в здравии, ни при смерти. Только в мечтах.

Кристан замедлил шаг лошади, злобным взглядом провожая ухмыляющуюся лучницу. Он терпеть её не мог. Кхалис и правда нравилась ему. Многим. Но никто среди простых бандитов не мог похвастаться тем, что делил с ней ложе или видел её обнажённой. И Кристану, со временем, стало проще презирать Кхалис, чем восхищаться ею. Впрочем, недостатка в утехах для Кристана не было. В лагере разбойников было предостаточно наложниц и Кристан, как один из генералов, имел особые привилегии. Женщины, в первые месяцы рабства, были не очень сговорчивы с бандитами. Они пытались сопротивляться, молили о пощаде. Были недостаточно опытны для головорезов, живущих разгулом. Это накладывало определённый отпечаток. Когда наложницы становились опытнее и сговорчивее. Когда они принимали новую действительность, бандитам становилось с ними скучно. И тогда, в качестве спасения, появлялись новые рабыни, которых бандиты забирали, навещая фермерские семейства.

Кристан, стараясь отвлечься от неприятного разговора с Кхалис, обратил всё своё внимание на вереницу фермеров, ковыляющих босыми ногами вдоль обочины пыльной дороги и закованных в цепи. Трём-четырёх девушкам из всех пленных предстояло стать новыми служанками для бандитов. И Кристан намеревался выбрать хотя бы одну для себя лично.

Спустившись с лошади, мужчина передал поводья кобылы другому бандиту. Кристан находился в хвосте плетущихся южан. Продвигаясь вперёд, он разглядывал каждого пленённого. Мужчины, старики, старухи и подростки не подходили под его интересы, но всё же бандит рассматривал каждого из них. Небольшое развлечение в пути, стараясь предугадать дальнейшую судьбу каждого фермера. Этот – старый. Или будет нянчиться с детьми, или отправится в шахты. Этот – недостаточно старый. Точно на работы в шахте. Крепкий мужчина средних лет – шахты.

Кристан подумал о том, что всех крепких мужчин, как правило, определяли в гладиаторы. Бандиты и особенно их главари любили устраивать для себя жестокие развлечения на арене. Но в связи с тем, что в Железном Кулаке отчаянно нуждались в восстановлении разрушенной угольной шахты, скорее всего ни один здоровый мужчина из захваченных фермеров не станет завтра воином. Этот процесс, превращение фермера в гладиатора и так занимал неоправданно много времени и сил. А вот торговля углём с северянами, являлась основным источником доходов.

Кристан остановился возле высокой девушки. Пока разбойник рассматривал её, впереди идущие продолжали тянуть девушку вперёд. Кристан повернул её лицо на себя. И поверх следов от слёз на её лице, выступили новые. Нет, подумал Кристан. Очень высокая. Вся её природа, кажется, сосредоточилась на росте, позабыв о груди и ягодицах. И отпустив пленницу, Кристан вновь зашагал вперёд. Девушка тут же с облегчением выдохнула. Она не могла думать о том, что рано или поздно ей всё равно не дадут покоя. Нет, сейчас она переживала лишь ежеминутные события, без взглядов на будущее...

А будущее приключилось в тот же миг. Только один из четырёх главарей отошёл от высококорослой южанки в разорванном платье серого цвета, как к ней тут же подбежал другой разбойник. Он грубо схватил её за руки и, не обращая внимания на ход всей вереницы пленных, развернул девушку спиной к себе. Дёрнув в сторону обрывки ткани и лихо приспустив брюки, головорез без всяких прелюдий, грубо овладел пленницей. Позади идущий старик в ужасе отшатнулся. Фермеры впереди занервничали. Всё происходящее было слишком диким и аморальным, не смотря на общую раскрепощённость среди южных фермеров.

Караван замедлился. Девушка, над которой совершали насильственные действия кричала, умоляя бандита остановиться. Фермеры шептались и охали. А Кристан, как ни в чём не бывало, шёл дальше, рассматривая пленных. И наконец поравнялся с черноволосяй девушкой невысокого роста и в бордовом, разорванном платье. Это была Зари. Она сглотнула от ужаса. Артэн, который находился дальше на несколько человек в цепи, занервничал. В его голове запрыгало множество вопросов и все без ответа. Что делать? Как помочь своей любимой? Как освободиться от кандалов? Как отвлечь бандита? Но всё очень быстро закончилось само собой. Кристан, совершенно неудовлетворённый результатом, просто отправился дальше. Даже не притронувшись к Зари. И ни один разбойник не бросился на мясо, оставленное вожаком. Должно быть, это было чудо. Так подумал Артэн, ведь вариантов помочь своей подруге, он так и не нашёл. А Кристан, тем временем, остановился напротив блондина.

– Ух ты. За все годы разбоя, я наконец-то вижу настоящего фермера. Высокий, крупный. Отличный экземпляр.

Кристан не обладал богатым словарным запасом и удостоил Артэна лишь этой сухой оценкой. После чего, разбойник вновь отправился вперёд. Вот только он никак не мог найти среди южанок ту, что приглянулась бы ему. Кристан вновь почувствовал раздражение. Всему виной была Кхалис, которая вновь разыграла воображение головореза. И Валейна. Точнее та, кто сидела рядом с ней.

В самом начале бандитского каравана, на телеге с фруктами, сидела женщина в полном плаще с опущенным капюшоном. Женщине было около тридцати пяти лет. Длинные, распущенные, гладкие, тёмные волосы отдавали небольшой синевой. Глаза насыщенного тёмно-

синего цвета. Её звали Валейна, и она так же была одной из четырёх генералов Железного Кулака. Валейна Ледяное Касание. Подобные приставки к имени имели немногие смертные, и все они присваивались не просто так. Валейна была волшебницей и, довольно умелой, что встречалось крайне редко среди человеческой породы. Помимо волшебницы, лишь только двое в бандитском клане имели подобное звание. Кхалис Пронзающий Ветер и сам вожак – Азентор Железный Кулак. Разумеется, каждый в клане уважал и побаивался всех троих.

А подле Валеины сидела Сира – танцовщица из деревни Кондина, которой более не существовало. На девушке было широкое пальто, любезно предоставленное волшебницей. Им, Сира прикрывала своё нагое тело, ведь вся её одежда была разодрана бандитами прошлой ночью.

Сира нервничала. Разумеется, она была крайне напугана всем происходящим. Но, помимо того, танцовщица испытывала неловкость, ведь в отличие от прочих фермеров, ей оказали кое какой комфорт. Всё дело было в том, что Валейна негласно присвоила для себя эту девушку. И именно этот факт раздражал Кристана, который с жадностью в глазах вспоминал обнажённую танцовщицу. Он, как и вообще все разбойники, был бы не прочь порезвиться с красавицей. Однако, никто не посмел бы перечить Валеине и претендовать на её трофеи. Посадив рядом с собой Сиру и расспрашивая её о жизни на ферме, волшебница недвусмысленно дала понять – эта девушка будет её личной игрушкой, и никто не смеет прикоснуться к ней.

Очень скоро, караван практически стоял на месте. Фермеры, связанные одной цепью, переминались с ноги на ногу, продвигаясь вперёд медленнее жуков на земле. Где-то в голове всей процессии, разбойники приставали к очередной южанке. Кристан уже был неподалёку от того места и с любопытством наблюдал над разворачивающейся картиной. Девушка была среднего роста. Может на голову меньше самого Кристана, или чуть ниже. Короткие чёрные волосы до шеи, карие глаза. Злые карие глаза. Очевидно, они стали такими не сегодня, хотя причины и были. Но отпечаток злобы и недоверия во взгляде девушки был настолько сильный, что можно было предположить – жизнь на ферме для неё была и без того не очень-то привлекательной.

Одежда на девушке была простой и явно не праздничной. Испачканные землёй и грязью штаны и кофта говорили о том, что она не принимала участие в празднике урожая, оставшись дома. Что всё равно не спасло её от рабства. На теле были видны синяки. Южанке явно досталось во время нападения бандитов на деревню, но одежда оставалась целой. Её пленение прошло быстро и без домогательств. Однако, внешность девушки была более чем привлекательна. Стройная фигура, выразительная грудь, приятные черты лица. Пусть и злого лица. Не удивительно, что в конце концов она привлекла внимание головорезов и, вот уже двое мужчин, веселясь и подбадривая друг друга, дёргали, щупали и пытались скрутить её тело. Кристан отметил, что девушка довольно успешно изворачивалась и лягалась, несмотря на закованные руки за спиной и ошейник, цепью соединяющий её со всей вереницей фермеров. Вскоре, головорезам поднадоела эта возня. Они хотели развлечений. И когда одному удалось схватить девушку за руки, второй прижался к южанке спереди. И совершенно неожиданно, бандит закричал от боли. Юная фермерша, не хитро извернувшись, укусила мужчину за щеку. Да не просто укусила, а впиалась зубами. Когда разбойник оторвался от южанки, его щека кровоточила. А в окровавленных зубах девушки торчал кусочек кожи, который она тут же выплюнула. Бандит позади отпустил её руки и нанёс сильный удар в бок. Девушку согнуло от боли, она застонала, а из глаз брызнули слёзы. Но для мести этого явно было недостаточно. Пострадавший мужчина взялся за свой клинок, готовый рубануть южанку прямо по голове, желая ей грязной смерти за своё пострадавшее лицо.

– Стой! – Громко крикнул Кристан. – Прочь! Убери оружие.

Бандит, недовольно повинующийся, убрал в ножны клинок и держась рукой за кровоточащую щеку, отошёл в сторону. Так же поступил и его товарищ. Кристан же поравнялся

с девушкой, стоящей перед ним на полусогнутых. Караван к этому моменту полностью остановился.

– Чудной денёк, как ни посмотри. Что же это за фермеры нам попались? Отгрызаются, дерзят, сопротивляются. Грязная девчонка, ты совсем не осознаёшь своего положения?

– Гори в кузнях Орода. – Пробурчала она себе под нос, еле слышно, с трудом переводя дыхание.

– Ничего, ничего. Тебя быстро научат манерам. Хотя даже не так! О! – Протянул Кристан, явно довольный собой. – О, да. Я придумал, как скрасить твою новую жизнь в Железном Кулаке так, чтобы ты по-особенному взвыла. Но не уверен, что ты долго протянешь.

Отдав указание для своих людей не притрагиваться к этой девушке, Кристан уже был готов продолжить свой путь вдоль линии пленных южан. Как вдруг с ним заговорил престарелый фермер, стоящий позади брюнетки. Старик был седой, тощий. Босые ноги кровоточили. Его голос был тихий и скромный.

– Господин. – Запинаясь начал старик. – Позвольте нам отдохнуть. Многие из нас очень устали. Хотя бы недолго.

Кристан с удивлением посмотрел на старика. Южане, которых бандиты изредка забирали с ферм для работ никогда не просили и не жаловались. Фермер всегда знал, что в его новой жизни больше не будет милости и поблажек. Но уже этой ночью, во время набега на деревню, всё было не как всегда. Однако, Кристан умудрился выдать снисходительную гримасу, отвечая старику.

– Конечно. Мы все здесь порядком устали. И особенно вы, в столь почтенном возрасте. Мы ведь не изверги какие-то и, разумеется, дадим вам время перевести дух.

После этих слов, разбойник со всей своей силы пнул старика. Того откинуло в канаву на обочине тракта, а следом за ним потянуло ближайших фермеров, всех скованных между собой одной цепью. Семеро завалилось в овраг, включая ту девушку, что пыталась дать отпор бандитам. С десятков других южан, по обе стороны цепи, попадали на колени. Послышались стоны.

– Отдохнули? – Выждав минуту, спросил Кристан. – Тогда поднимайтесь. Живее! Я не буду торчать здесь, с вами, до ночи.

Фермеры, пытаясь подняться и выбраться на дорогу, бросились помогать старому мужчине. Но тот никак не мог встать. Его нога была сломана, он стонал и кричал, страдая от своего дряблого и слабого тела.

– Эй вы. – Генерал обратился к своим подчинённым. – Освободите старика. Да по живее. Бросьте его здесь.

Разбойники поспешили выполнить поручение и вскоре караван двинулся с места. Южан ждало рабство и никакие мольбы не могли изменить этого.

А за то время, что фермеры простояли на месте, Зари успела насобирать какие-то травы. И наконец поравнявшись с телегой, в которой везли Джеймса, она попыталась привлечь внимание лучницы, ехавшей верхом. В её голосе отчётливо слышались нотки испуга. Она говорила тихо, боясь привлечь к себе внимание, хотя изначально преследовала именно эту цель. Лучница её не слышала. Тогда Зари вытянула вперёд свою руку. И тут же, оказавшийся поблизости бандит подобрал с земли прут, которым и ударил девушку. Зари вскрикнула, выбросила травы и прижала руку к себе. От острой боли она заплакала.

Но эффект был достигнут и Кхалис наконец-то заметила её. Отдав громкий приказ, лучница остановила ход каравана.

– Что это? – Спросила Кхалис, указывая на скомканные травки на земле. Испуганная Зари не отвечала. – Девочка. Что ты хотела сделать? Подними то, что ты выронила и скажи мне, что это за трава.

Властный голос Кхалис заставил Зари выйти из оцепенения и выполнить указание. Она подняла траву с земли и выставила на ладони.

– И? Что это? – Повторила вопрос лучница. – Ты пыталась дать это своему другу? Зачем?

– Это канкул. – Зари запнулась. Из неё было сложно выдавить хоть слово.

– И что он делает?

– Он поможет снять жар. Боль должна утихнуть. И раны...

– Продолжай.

– Канкул обеззаразит их.

– Обычный сорняк! – Бандит, что ударил Зари по руке, выхватил травку из её рук, огрызнулся и вновь замахнулся на девушку, в этот раз только чтобы припугнуть.

– И давно ты разбираешься в травах? Не серди меня! Отдай то, что забрал и проваливай! Опомнившийся бандит извинился перед Кхалис и немедленно отдалился.

– Что такое канкул? Я впервые такое слышу.

– На самом деле он часто встречается. Его беда в том, что его практически не отличишь от обычной травы. Но если присмотреться, можно увидеть еле различимые прожилки, желтоватого цвета. Если канкул растолочь. – Зари вдруг подумала, что у неё нет подходящих инструментов. Только книга за пазухой, которую она припрятала во время нападения. – Растолочь, или переживать. До вязкой массы. И нанести на раны, то можно предотвратить заражение. И ослабить боль, чтобы тело и голова могли отдохнуть перед оказанием помощи.

– Ты врачевательница?

– Я... Я бы так не сказала... Не совсем...

– Но ты знаешь, как помочь.

– Это немного... Ничего такого.

Зари было страшно. Очень страшно. Всё, что она видела ночью. Всё, что она видела прямо сейчас. То, как безжалостно и бесцеремонно головорезы обращаются с фермерами, пугало её. Да, она хотела помочь своему старому другу, которого ценила и уважала. Но Зари совсем не хотелось бы привлекать к себе внимание. Она уже понимала, что её жизнь не будет прежней. И всё же, предпочла бы спрятаться в тёмный угол так, чтобы её никто не нашёл. И чтобы никто никогда от неё ничего не хотел.

– Девочка. Ты никогда не дождёшься от этих людей милосердия или понимания. – Кхалис обвела руками весь караван, демонстрируя перед южанкой злых и самодовольных бандитов. – И никто не станет тянуть тебя за собой. Только ты сама, с этих пор, определяешь своё место в этом грубом, жадном обществе. Так скажи мне, ты умеешь лечить раны, болезни и прочие недуги?

– Не знаю... Я...

И помимо простого страха накликав на себя беду, стараясь выделиться среди всех, Зари и правда не знала ответа. Лечила ли она раны? Лечила. Болезни? То же лечила. И многому успела научиться у своей тётки. Но чаще всего, это были ушибы или простуда. Чаще всего она лишь помогала старухе-врачевательнице и была ведомой. Зари всё ещё оставалась слишком юной, трусливой и неуверенной в себе. Растерянная, она опустила взгляд в землю.

– Что же, будь по-твоему. Сделай свою мазь и обработай раны своего товарища.

Зари оживилась. Помочь Джеймсу – это именно то, чего она сейчас и хотела. Она положила траву, которую сорвала, в рот. Пока девушка жевала канкул, бандиты освободили её. Как только трава стала превращаться в однородную массу, Зари взобралась на телегу. Перед ней лежал Джеймс. Его трясло, всё тело покрылось потом. Зари понемногу доставала кашицу изо рта, нанося её и втирая в раны друга. Когда же она закончила, Кхалис приказала спустить девушку с телеги и вновь заковать её в цепи. После этого, лучница подала знак последнему из генералов бандитской шайки, который всё это время находился в самом начале процессии. Знак, что можно было отправляться в путь. И караван вновь тронулся с места.

К вечеру второго дня, разбойники добрались до оплота Железного Кулака. Не смотря на все заминки и задержки, дорога не заняла времени больше обычного. Но всё же, бандиты были на взводе. Как народ нетерпеливый по своей натуре, их раздражало время в пути. И если первое время они развлекались со своими пленными, то ко второму дню пути уже откровенно измывались над южанами.

Но посреди равнины показались невысокие каменные стены, открытые врата. За ними виднелись казармы для пленных и дома господ. Планировка бандитского поселения изрядно хромала. Дома были наставлены как попало, а в городской стене отсутствовали башни. Здесь не пахло удобством и защищённостью, но всё это было не важно. Головорезам толком не было от кого обороняться, да и любоваться красотами внешнего благоустройства им не приходилось.

Когда караван приближался к оплоту, бандиты возликовали. Когда караван переступил черту поселения и оказался на площади, многие бандиты побросали всё, добытое во время набега на деревню Кондина. Повозки с награбленным, кони и лошади, закованные одной цепью фермеры. Всё это оказалось без присмотра. И ни что из этого не могло самостоятельно покинуть Железный Кулак.

Пленённые южане устроились на голой земле. Почти все молчали. Многие не смогли сомкнуть ночью глаз, сидя облокотившись на тележки. Некоторых всё же одолел сон, после долгого и трудного пути. Фермеры спали друг у друга на плечах. Артэн постарался подбратиться как можно ближе к повозке, где лежал Джеймс. Парень спокойно спал. Мазь, которую нанесла на его раны Зари сделала своё дело, сняв жар и облегчив боль. К удивлению Артэна, Джеймс был заботливо укрыт большим покрывалом, в котором раньше были завёрнуты кабачки и баклажаны. Это было очень странно, но казалось, будто жизнь Джеймса кому-то была совсем не безразлична. Зари сидела недалеко от Артэна. Она хотела, но никак не могла подобраться ближе к своему любимому. Девушке предстояла длинная ночь, полная раздумий о своей новой жизни. Она постаралась оглядеть всех пленных и вдруг осознала, что нигде не видит Сиру – танцовщицу из деревни Кондина, которой больше нет.

Под вечер, когда бандиты со своей добычей вернулись в свой лагерь, началась суматошная возня. Головорезы, прибывшие с рейда, повскакивали со своих лошадей, похватили оружие и припасы, и стали разбредаться кто куда. Каждый из разбойников мечтал поскорее очутиться в Железном Кулаке. Набеги и разбои, разумеется, приносили свою долю удовольствия этим людям. Но как говорилось ранее, все они стали бандитами желая лишь одного – разгульной жизни. Жизни, где не нужно было прилагать усилия и горбатиться, чтобы добыть себе пропитание. Идеальное же существование для бандитов Фелестины – это проживание на постоянном месте, где все твои потребности будут выполнены кем-то другим. И всё, что могут пожелать себе разбойники, должно быть исполнено. Для чего и нужны были рабы и служанки. К слову, потребности головорезов южной части материка были достаточно примитивны. Всего и нужно, чтобы кто-то готовил еду, пополнял бокал с вином, ублажал и удовлетворял плотские потребности, участвовал в жестоких боях ради забавы и добывал уголь, чтобы было чем торговать с севером. Эти разбойники и эти фермеры, были олицетворением южной Фелестины. Крайне простые и не замысловатые люди, довольствующиеся пусть и разным, но каждый в своей степени простым и понятным. Таков был менталитет южан, не блещущих бурной фантазией и разительно отличающих их от жителей других материков. И даже севера Фелестины. Ведь любые бандитские шайки или иные культы и армии, никогда не довольствовались простой, не амбициозной жизнью. Всегда кто-то жаждал власти или богатства. Или и того и другого. Некоторые проповедовали с особым остервенением свою личную религию, искореняя всех несогласных. Некоторые мечтали захватить чужие земли, прославиться и держать в страхе своих соседей. Причин для любой деятельности было великое множество. И только бандиты

южной Фелестины хотели лишь лёгкой жизни, не стараясь кому-либо что-то доказать. Не без исключения, конечно же. С появлением Золотого Короля – первого из Героев на свете, жизнь стремительно менялась повсеместно. И южную Фелестину не могла обойти стороной волна новизны и изменчивости.

И вот, когда воины прибыли в свой дом, они поспешили отдохнуть и наслаждаться жизнью. Вся их добыча никуда не денется, а завтра наступит новый день. Так поступила и волшебница Валейна. Она соскочила с повозки, на которой ехала, пока её лошадь вёл другой бандит, поманила за собой Сиру и направилась в большое, центральное здание. Вход в усадьбу представлял из себя широкую лестницу с распахнутыми дверями. Вокруг дома цвели клумбы и с балконов второго этажа свисали разноцветные горшки с цветами. Было хорошо заметно, что за украшениями ухаживали. Оно и понятно, ведь у разбойников было предостаточно служанок. А вот стены казались обшарпанными. Кое где виднелись трещины. В брусчатке попадались пустые фрагменты. Бандиты не сильно жаловали пленных мужчин в качестве прислуги. Были лишь двое или трое, для исполнения физической работы острой необходимости и для утехи нескольких женщин из числа клана.

Валейна вела танцовщицу за руку. Они вошли внутрь здания и оказались на первом этаже, где было полно разбойников, разбредающих по своим комнатам. По сути своей, первый этаж был общежитием для рядовых солдат. Западное и восточное крыло были полностью оборудованы под жилища. Здесь же был огромный обеденный зал. Отхожие места и умывальни для простых рядовых, находились в другом помещении, через несколько строений поблизости.

Валейна вела Сиру дальше, вверх по широкой лестнице в центре зала. Второй этаж разительно отличался от первого и было очевидно – простые разбойники бывали здесь редко и только по важной причине. На полу был расстелен ковёр, а по углам стояли столики с кувшинами и вазами. Вдоль стен висели картины, написанные чей-то не уверенной, быть может сильно пьяной рукой. Второй этаж усадьбы полностью принадлежал четырём генералам и вожаку. Помимо личных комнат, здесь были обширные гостиные, умывальни и прочие помещения, для удовлетворения специфических предпочтений каждого.

Валейна вместе с девушкой подошли к двери на втором этаже. Волшебница открыла её и любезно пропустила Сиру внутрь. В отличие от грубых мужчин, Валейна казалась мягче и даже нежнее, добрее. Пройдя вперёд, танцовщица остановилась посреди комнаты. Было темно. Окна были занавешены очень толстой, не пропускающей свет тканью. Позади, Валейна закрыла дверь, сбросила с себя широкий плащ и стала обходить комнату, зажигая свечи. Как только посветлело, Сира увидела удивительную женщину. Волшебница выглядела очевидно старше, но все же она казалась более молодой и здоровой, чем кто-либо. Гладкое и полностью симметричное лицо, аккуратные и выразительные губы, пронзительные глаза, ровные, изогнутые брови и никаких намёков на морщины. На волшебнице был надет очень плотный, цельный комбинезон яркого синего цвета. Тонкая и словно холодная ткань удачно подчёркивала стройную, натянутую фигуру. В таком облачении, мало кто мог бы сдержаться, чтобы не шлёпнуть по упругой, покачивающейся попе, но только не в отношении Валеины, само собой. Волшебница наводила на разбойников такой страх, что они предпочитали не желать её даже в тайне.

– Располагайся. – Голос Валеины поманил Сиру, отвлекая ту от раздумий. – Я тебя не обижу. И никто здесь не посмеет. Да, это уже не свобода, но если ты будешь приветливой и улыбчивой, то останешься со мной. И это, конечно, большой плюс. Комната небольшая. Но больше и не надо. И кровать у нас одна. Можешь пока полежать и отдохнут. Я уйду, но, когда вернусь вечером, мы поговорим.

Сира так ничего и не ответила. Валейна понимала девушку. Это была не первая её игрушка. Не настаивая, волшебница вышла из комнаты, а танцовщица опустилась на пол рядом с кроватью. Сира оглядела помещение. И правда, оно было небольшим. Кровать, стол и стулья, несколько шкафов для одежды и книг. Это показалось странным, ведь Валейна была одним

из генералов Железного Кулака. Пока днём девушки ехали на телеге, волшебница всячески пыталась расположить к себе Сиру. Она много расспрашивала танцовщицу о её прежней жизни и казалось учливой и заинтересованной. Не очень охотно, но все же пару раз Валейна обмолвилась и о себе. Особенно когда старательно убеждала Сиру, что рядом с ней ей ничего не будет угрожать. Сира надеялась на это. Ей все ещё было страшно, ведь злые люди отобрали у неё дом, сожгли его и убили многих знакомых. И все эти злые люди продолжали окружать её. Сира мечтала о безопасности и была готова поверить и довериться Валейне, что казалась столь доброй и нежной, на фоне всей случившейся боли за последние дни.

Сира почувствовала, как её щеки касается прохладная и мягкая ладонь. Танцовщица открыла глаза и увидела лицо вернувшейся Валейны.

– Ты задремала, девочка. – Волшебница улыбнулась Сире. – Хоть и могла на удобной, мягкой кровати.

– Простите. – Сира поспешно поднялась с пола, встав перед волшебницей.

– Не извиняйся. Тебе просто надо привыкнуть. И поскорее. В любом случае, тебе придётся делать что-то без желания по началу.

– Что же это?

От услышанного, Сира вновь задрожала, и волшебница увидела это. Валейна дружески положила свою руку на плечо танцовщицы и попросила ту сесть за стол. Волшебница села следом.

– Перестань трястись от каждого слова, милая. Я очень суровая женщина, но гораздо приятнее всех, кто живёт в этих стенах. Здесь, у людей вроде меня, имеющих определённую власть, есть служанки. Много девушек живут в Железном Кулаке в неволе. И все они существуют, чтобы скрашивать дни каждого бандита в клане. И только несколько девочек являются личными служанками главарей. Их никто не смеет трогать. Так, никто не тронет и тебя. Ведь, как я уже говорила, я суровая женщина, скорая на расправу. Но в меру справедливая, так что не выхожу из себя по пустякам.

Валейна улыбнулась, чтобы разрядить обстановку, однако Сире не стало от этого легче.

– Я понимаю твой ужас. И дам тебе время свыкнуться с тем, что всё не так уж и плохо для тебя. Служанки здесь каждодневно подвергаются насилию. И это не только секс, как правило очень грубый. Но это и физическая расправа. Девушек бьют, заставляют бить друг друга, их используют вместо отхожих мест, на них используют вещи, не предназначенные для человеческого тела. Их используют все и даже сразу. Служанкам генералов повезло, в отличие от большинства. Но это всё равно ужас. Представь, что приходится терпеть девушкам в услужение у Кристана, который командовал Железным Кулаком во время нападения на вашу деревню. И он лишь щеночек, по сравнению с вождём. Ты это поймёшь, со временем. Но когда составишь впечатление о нём, постарайся держать его в секрете. Даже рядом со мной. На всякий случай. Но позволь я тебя успокою. Быть моей служанкой намного приятнее. Да, это всё равно плен. Но я не издеваюсь над людьми. Я просто жажду компании и любви в этом месте, переполненном пороков и грязи. Я знаю, что никого нельзя заставить любить. Но если ты постарайся привыкнуть ко мне и проникнуться ко мне, всё станет намного проще. Смотри на меня добрым взглядом, веди со мной беседы, мой моё тело и волосы, гуляй со мной и дели со мной ложе. Будь ласкова и предана, и я отплачу тебе тем же. И никогда не предавай меня.

Волшебница закончила монолог и внимательно посмотрела на девушку. В лице Сиры действительно что-то поменялось. Она всё ещё боялась своего нового положения, но всё таки начала задумываться. В нынешних реалиях всё звучало куда как не плохо. Прислуживать красивой и обворожительной женщине казалось даже в радость, ведь на её месте мог оказаться толстый, дряблый и очень противный мужчина с плохими манерами и жутким запахом. Валейна ни разу не сказала напрямую, что желает интима, хотя некоторые фразы как бы намекали на это. И это приводило танцовщицу в некоторое замешательство. Её не приходилось рассмат-

ривать женщин в качестве сексуальных партнёров и она невольно задумалась, готова ли пойти на подобное, ради защиты и покровительства.

– Сколько ещё служанок у вас?

– Их нет. Сегодня, все надежды на тебя одну.

– Но ведь я не первая? Что стало с девушками, которые были до меня?

– Я вижу. Что же, меня радует, что ты готова принять моё предложение, раз задаёшь такие вопросы. Что же до моего ответа, то, как я и говорила, никогда не предавай меня. Девушки до тебя не все могли проникнуться чувствами к другой женщине. Однако, были и те, кто любил меня. Но, мужские члены они любили больше. А я, просто предупреждаю, единоличница. Впрочем, как и большинство живых людей. Так что, мне нельзя изменять. Все служанки, что у меня были, в конечном счёте стали общими. Разврат здесь буквально витает в воздухе, так что они все сами того захотели. Хоть и пожалели в конце концов...

– Я не рвусь на встречу со всеми этими жуткими бандитами за этой комнатой.

Валейну рассмешил такой ответ. Но лишь на мгновение.

– Понимаю. Все до тебя говорили и клялись, что никогда не отвернуться от меня. Итог нам уже известен. Так что, постарайся не зарекаться. И не пытайся сказать что-то, что должно меня порадовать. Просто будь. Именно это, я и моё время оценим в тебе.

– Вы... Я ведь верно понимаю, что... Вы хотите близости? – Сира казалось робкой. Но не от стеснения, а не желая рассердить всё ещё мало знакомого человека неуместными и надоедливymi вопросами.

– Ох Астарта, конечно же нет. Ты столь запугана, что слышишь любые мои слова слишком буквально. Или просто я разговариваю на другом языке. Девочка, я жажду любви в этом месте, наполненном грязными мужланами. Но любви иного плана. Мне не нужно твоё тело. В конце концов, любая женщина лишена особого достатка. – Валейна, улыбаясь, встала из-за стола и подошла к кровати. – Сегодня был долгий день. Как для тебя, так и для меня. Помоги мне снять одежду.

Сира, испытывая облегчение, тут же встала и подошла сзади. Всё-таки она преисполнилась надежды на лучшее будущее и уже была благодарна волшебнице, мотивы которой оставались для пленницы несколько размыты. Танцовщица аккуратно раздела женщину, стараясь быть нежной и ласковой. Кожа волшебницы казалась шёлком и Сира наслаждалась ею, невольно дотрагиваясь кончиками пальцев. Тело волшебницы источало запахи свежести и яблок. Валейна же забралась в кровать и укрылась одеялом. Она приказала Сире раздеться и так же ложиться спать. Сира повиновалась. Она легла под то же одеяло и уставилась в потолок, на котором играли тени от горящих свечей. Некоторое время они лежали не двигаясь, не зная, что сказать. Валейна повернулась на бок, отвернувшись от девушки и пожелала ей доброй ночи. Мгновение Сира находилась в замешательстве, но вскоре ответила взаимностью. Загадочная женщина улыбнулась и вскоре они обе заснули. В большой, удобной и мягкой кровати. С подушками и тонким одеялом. Снаружи стояла летняя, немного прохладная ночь, во время которой продрогнут лишь те, кто остался снаружи.

– Подъём, грязные свиньи!

Как только наступило утро и взошло солнце, бандиты покинули свои комнаты и вышли во двор, где спали пленники. Многие из фермеров лишь часами назад смогли уснуть, ворочаясь на голой, ухабистой земле, как их тут же грубо разбудили. Головорезы обходили спящих и старательно раздавали пинки. Южане просыпалась. Большинство постанывало от боли в спине и суставах. Некоторых мучал кашель, исходящий глубоко из недр груди. Климат на Фелестине был тёплым круглый год. Ни осень, ни весна, ни лето практически не отличались, а зиму сопро-

вождал слегка прохладный дождь. Но все фермеры были коренными южанами и родной для них климат ощущался прохладным, чему удивился бы путник родом с Ванлатаина, привыкшего к суровым заснеженным зимам. Этой осенней ночью, уроженец Эрендира мучался бы от духоты, проспав крепким сном на прогретой земле. Но южанам Фелестины было холодно. Их тела чувствовали усталость и недомогание, готовое сорваться в озноб.

– Подъём! – Прокричал головорез, хватая южанку за волосы и поднимая её на ноги. Бандит находился в особом нерасположении духа. Скорее всего, ему не удалось выспаться, и он держал злобу на само утро, наступившее так рано.

Фермеры поднимались, а на площадь выходило всё больше разбойников. Среди них показался Кристан. За ним появилась Кхалис. Валеины не было видно, но на балконе второго этажа стоял крайне крупный мужчина, полностью закованный в латные доспехи. На наплечниках, рукавицах и на поясе были украшения в виде острых шипов. Шлем он держал в руках. Его лицо казалось заплывшим морщинами, но даже сквозь щёлочки глаз было различимо его презрение к собравшимся. Чёрные волосы, сплетённые в косы, блестели от жира. Густая борода свисала до груди.

Бандиты отцепляли ошейники на фермерах от цепи, оставляя на руках кандалы. Когда же из усадьбы вышел четвёртый из генералов, началось распределение. Грозный мужчина, не уступавший в размерах жожаку, указывал руками на южан, которых в последствии разводили по разным группам. Самые молодые и привлекательные девушки становились подле входа в усадьбу. Им предстояло стать служанками, готовыми по любой прихоти удовлетворять хозяев.

Вторая группа набиралась быстрее. То были юноши и мужчины и даже женщины, по какой-то причине не приглянувшиеся головорезам. Эту группу пленных фермеров ожидал тяжёлый труд в угольной шахте. И было сложно сказать, какой группе южан повезло меньше. Работа в шахте изматывала. Самые хрупкие погибали от переутомления и болезней. Но всё-таки у них был хлеб и кров. Рабочих не щадили, но и не доводили до предела. Бандиты Железного Кулака понимали и знали, что рабочие в шахтах – самый ценный ресурс южного материка. Ресурс, который нельзя было пополнить одним желанием. Фермерство юга велико, но, если разграбить все фермы за несколько месяцев, больше никого не останется. К ним же подводили старух и стариков, а вместе с ними двух совсем юных подростков. Им предстояло жить в лагере рабочих. Старикам воспитывать детей, которым в последствии предстояло стать новыми рабочими.

Генерал, отвечающий за распределение южан, остановился напротив Артэна. Побитый, чумазый и обессиленный блондин выглядел жалко, но всё равно выгодно отличался на фоне остальных пленных.

– Этого в гладиаторы.

– Варен! – Прогремел с балкона голос жожака. – Все свободные силы нам нужны, чтобы восстановить шахты!

– Я помню, Азентор. Но моим гладиаторам необходима свежая кровь. Вы все любите смотреть бои на арене. И, я возьму лишь одного.

– Двоих! – Вмешалась Кхалис, напоминая распределяющему генералу о договорённости.

– Ах, да. Двоих. Я возьму этого здоровяка и того, что на повозке.

– Что с ним? – Удивился Азентор, стоящий на балконе, рассматривая израненного Джеймса.

– Он пострадал во время набега. – Вновь встряла в разговор лучница.

– Зачем он тебе, Варен? – Жожек продолжал обращаться к широкому и высокому воину, который отвечал за распределение пленных, умышленно игнорируя Кхалис. Но не из-за неприязни. Азентор уважал лучницу, как и волшебницу, ведь они тоже имели титул. Однако, именно

Варен руководил процессом, и вожак хотел, чтобы все это понимали. – Зачем вы вообще потратили силы на то, чтобы тащить его сюда? Он выглядит слабым и жалким. Кто ранил его в бою?

– Это Кхалис. Она же и просит за него.

Варен, в свою очередь, не захотел говорить от лица лучницы. Бандиту было бы по душе, если бы Кхалис и Азентор сами решили судьбу фермера. И вождю пришлось обратиться к женщине.

– Как это понимать? Ты ведь не участвовала в нападении. Это был рейд Кристана.

– Южанин убил и покалечил троих наших воинов, в попытке избежать плена. Мне пришлось пустить в него две стрелы. Я решила, что нам не стоит терять солдат во время нападения на фермеров.

– Южанин... – Вожак взял небольшую паузу, обдумывая услышанное. – Давно я не слышал о подобном неповиновении. Но если сама в него стреляла, зачем пытаешься сохранить жизнь? И назначить гладиатором?

– Если бы хотела, то убила бы на месте. Вы же знаете, я не промахиваюсь.

– Это верно.

– И потом. Смерть наших людей не была случайностью. Я не знаю, где этот фермер научился сражаться, но он это умеет. Я выпустила в него стрелы прямо перед тем, как он чуть не одолел...

– Хватит! – Неожиданно взорвался Кристан. – Я не собираюсь слушать этот вздор!

И вытащив свой двуручный меч из-за спины, Кристан со злостью на лице направился в сторону повозки, где лежал Джеймс. Кхалис тут же сняла с плеча лук, молниеносно вытащила стрелу из колчана, натянула её и прицелилась в бандита. Увидев это, вожак громко взорвался.

– Стоять! Это ещё что такое?! Кристан! – И головорез, намеревающийся покончить с раненым фермером, остановился как вкопанный. – Объяснитесь. Вы оба!

– Кристан чуть не проиграл южанину в поединке. Его это злит, само собой.

– Чушь! Ты прострелила его прямо перед тем, как я чуть не разрубил его голову. Кто он такой, чтобы сравниться со мной?! Я одолел бы его тогда и одолею прямо сейчас, чтобы ни у кого больше не было вопросов!

– Хочешь восстановить свою честь, убив человека без сознания? Ты что, совсем идиот?

– Не важно! Покончу с ним, и закончатся эти глупые рассказы. Как какой-то сопливый южанин, якобы чуть не одолел меня! Меня!

– Двинешься и я прострелю тебе ноги.

На фоне разъярённого Кристана, Кхалиса звучала невероятно спокойно. Она действительно знала, что делает. И знала, что бандит не успеет навредить фермеру, ведь её стрелы невероятно быстро и метко летят.

– Варен, он выживет? – Спросил Азентор.

– Возможно.

– Я хочу узнать твоё мнение на сложившуюся ситуацию.

– Мы с Кхалис и Валеиной находились в отдалении от деревни. Я ничего не видел лично. Но... Я склонен доверять глазам сокола нашей Кхалис. Она уверяла меня, что этот южанин способен всех удивить. И я бы дал ему шанс.

– Хорошо. Если он поправится, у тебя будет два дня, чтобы понять, насколько он обучаем. Если толку от него не будет, отправится в шахты.

– Я заберу его в личные слуги, если всё пройдет именно так. – Лучница опустила тетиву и убрала свой лук за спину.

– Что за привязанность? – Удивился вожак.

– Я вижу потенциал. Даже если другие слепы. И потом, все генералы у нас имеют в услужение личные игрушки. И по несколько. Настал и мой черёд взять себе то, что просто хочется.

– Я не запрещаю тебе, Кхалис. Просто удивляюсь, ведь на тебя это не похоже. Но хорошо! Если на этом мы закончили спор, то давайте заканчивать на сегодня.

– Я тоже хочу назначить гладиатора! – Кристан выглядел крайне раздосадованным и озлобленным.

– Хватит, Кристан. Это уже ни к чему не приведёт. – Азентор уже выглядел уставшим от разговора и ему явно хотелось закончить поскорее.

– Это не имеет никакого отношения к происходящему. Я отпустил ситуацию. Этот фермер через чур дерзок, чтобы протянуть пару дней в компании с Ману.

– Тогда, чего ты хочешь? Я ведь говорил уже, что нам необходимо восстановить шахту.

– Эта девчонка всё равно не пригодится. – Бандит указал на девушку с чёрными волосами, которая укусила разбойника за щеку во время путешествия каравана. – Она бойкая и не послушная. В шахтах будет только мешать. А в качестве служанки, откусит не мало членов.

– Девка? – Опешил Варен.

– Её приструнят. – Возразил Азентор.

– Приструнят. Конечно. Но только путём умерщвления. Это трата и сил и времени.

– Я не собираюсь тренировать девчонку. – Варен никак не мог понять, что за глупая затея пришла в голову его товарища.

– Её не надо тренировать. Это сделают гладиаторы. Они найдут на неё управу. И позабавятся заодно. Если она будет так же старательно цепляться за свою никчёмную жизнь, то сумеет хорошо нас развеселить на арене. Посмотрите только в её озлобленные глаза. А если нет, что же. Они быстро с ней расправятся. – И немного подумав, Кристан добавил. – В пользу такого решения, я готов отказаться от личной служанки из этой партии пленных.

– Раз это твоя прихоть... И если больше ни у кого нет абсурдных идей, то давайте уже кончать с этим фарсом!

И после этих слов, Варен спешно обошёл оставшихся южан. Артэн и Кара, как звали ту самую бойкую девушку, назначенную в гладиаторы, стояли подле повозки с Джеймсом. Они смотрели, как женщин, которым предстояло стать служанки, отводят в усадьбу. Они смотрели, как оставшихся уводят в неизвестную сторону, где предположительно находилась угольная шахта. И всё существо блондина вопило и скрипело в этот момент, ведь его Зари так же назначили в группу рабочих. Девушка, маленькая и хрупкая, постоянно оборачивалась назад, чтобы своими заплаканными глазами увидеть Артэна. Она знала, что её молодой человек был не в силах что-либо изменить. Но так мечтала об этом.

Бандиты подняли с телеги Джеймса, который всё это время наблюдал за происходящим сквозь туман. И вместе с его другом Артэном и Карой, всех троих увели вслед за Вареном.

Глава 4. Свежая Кровь

В течение нескольких дней Джеймса старательно выхаживали. Всё это время он находился в небольшой, сухой комнате, в которой кроме кровати и маленького столика ничего не было. Так выглядели все комнаты для гладиаторов, но что примечательно – у каждого была собственная. Мужчины, жизнь которых состояла из каждодневных тренировок, ютились не в общем бараке, а имели свой личный уголок. Его они обживали по-разному. Кто-то собирал на столе трофеи, кто-то мастерил фигурки по дереву, а единицы даже собирали книги, которые читали. Да, большинство гладиаторов – это бывшие южане или северяне, имеющие в прошлом жизнь не воинов, но фермеров, торговцев, путешественников.

Все эти два дня, Джеймса навещали служанки. Такие же пленные, как и он сам, но служащие в главной усадьбе клана. Девушки и женщины приходили кормить и обмывать парня. Их задача была поставить фермера на ноги и, если бы не Зари, которая нанесла на раны друга целебную мазь, Джеймс вряд ли бы пошёл на поправку.

На третий день, когда в комнату южанина вошли двое крупных мужчин, Джеймс сидел на краю кушетки, растирая свои ноги. За все дни лёжки они ослабли, а когда парень вставал походить, его ноги неприятно кололо. Мужчины, которые ворвались в комнату Джеймса, были очень скудно одеты. Потные и блестящие торсы с накачанной грудью, полностью голые. Вместо штанов короткие юбки из кожи, наручи и ботинки. Не церемонясь, они подхватили фермера за руки и грубо вытолкали из комнаты. Пока Джеймса вели в неизвестном ему направлении, он вдруг подумал, что уже больше не являлся фермером. И вряд ли теперь сможет стать Героем. Он всё ещё оставался южанином, но теперь скорее был рабом, чем кем бы то ни было ещё.

Когда парня вытолкали на улицу, солнечный свет ослепил его глаза, привыкшие к полумраку в помещении. Взгляд затуманился. Двое мужчин, что тащили Джеймса, бросили его на песок. Упав на колени, южанин и раб старался рассмотреть происходящее вокруг, пока зрение возвращалось к нему.

В конце концов, Джеймс разглядел несколько групп сильных мужчин, сражающихся друг с другом. Они так же были одеты как гладиаторы и дрались серьёзно, но не на смерть. Это были тренировки. Вокруг был песок. Южанин понял, что находится во внутреннем дворике дома для гладиаторов. И здесь они проводили почти каждый свой день, занимаясь единственно важным для них делом – совершенствуя своё тело и навыки для боёв на арене. Джеймс увидел своего друга – Артэна. Артэн тоже заметил Джеймса, когда того вытолкали из здания, но блондин был очень занят, с тренировочным щитом в руках отражая выпады своего оппонента.

Перед Джеймсом, на песок упал деревянный меч. И следом, к южанину подошёл крупный, черноволосый мужчина в доспехах, которого звали Варен. Парень мог лишь смутно припомнить, что именно этот генерал являлся ответственным за распределение рабов. И Варен обратился к рабу, стоящему на коленях.

– Поднимайся.

На площадке нависла тишина. Варен ждал, когда южанин выполнит приказ. Джеймс молча сопротивлялся, не желая повиноваться. Гладиаторы же прекратили сражаться, с любопытством наблюдая за происходящем.

– Возьми меч и встань. – Повторил генерал. – Твоё время истекло.

– Зачем? – Голос Джеймса звучал слабо, но даже так проскакивали нотки дерзости и неповиновения. – Чтобы плясать вам всем на потеху?

Мгновение, Варен был озадачен. Его вид всегда наводил ужас на пленных и ни одному ещё не приходило в голову перечить ему. Но генерал был силен не только телом, но и духом. Озадаченность не столько обескуражила его, сколько позабавила. И Варен тут же нашёл, как стоило поступить дальше. Кивком головы, он отдал приказ одному из тех гладиаторов, что

сегодня стояли по краям площадки и следили за порядком. В этот же миг, Джеймса пронзила страшная, жгучая боль. Кнут со свистом оставил порез на спине раба, который чуть не упал лицом в песок, упершись на свои руки. Всё тело Джеймса дрожало, из глаз сорвались слёзы, а сквозь зубы парень издал приглушённый стон. Варен же, как ни в чем не бывало, продолжил говорить.

– Мне нет дела до твоих обид. Можешь винить Богов или судьбу, но ты больше не свободный человек. Ты раб. И будешь делать то, что тебе прикажут. Предпочитаешь повиноваться путём получения боли? Ладно.

И, прежде чем кнут вновь рассёк плоть на спине, Джеймс поспешно встал на ноги, преодолевая дикую боль.

– Так будет гораздо проще для всех нас. – Варен сделал несколько шагов в сторону, обернулся и подозвал одного из своих старых гладиаторов, вновь обращаясь к южанину. – Подними меч. Покажи, что чего-то стоишь. Прежде, чем от тебя избавятся, как от слабого и никчёмного раба.

Джеймс глянул на мужчину напротив, с которым ему предстояло сразиться. Лысый, смуглый, крупный, как и все остальные. Южанин на фоне гладиаторов казался обычным мальчишкой, пусть и изнемогающий от боли, голода и жажды. Но что действительно зацепило внимание парня, так это взгляд воина. Он был безучастным, пустым. Словно мужчина никогда и не хотел, не стремился стать тем, кем он стал. Нет, даже не так. Мужчина так и не смог полюбить то, чем его заставляли заниматься.

– Меч! – Джеймса из раздумий вывел грубый голос Варена.

И осторожно опустившись на одно колено, Джеймс поднял тренировочное оружие с песка. Что же, никто не собирался предоставлять рабу времени для того, чтобы всё хорошенько обдумать. Ждали только безропотного, незамедлительного выполнения указаний. Но одна мысль таки успели проскочить в голове южанина. Он мечтал стать Героем. А для того, ему нужно было многому научиться, стать сильнее и искуснее. Чтобы однажды выступить против разбойников. И если они, головорезы, сами собирались ему в этом помочь, то почему бы и нет?

Только одно но. Такой подход обещал быть крайне суровым и болезненным. Как только Джеймс взял в руку меч и вновь поднялся на ноги, его оппонент тут же обрушился на него шквалом ударов. Это был совершенно другой бой. Джеймс едва успевал парировать атаки соперника, не редко получая болезненные удары по бокам. Южанин был слаб, обессилен после ранения, но и гладиатор в качестве оппонента казался намного опаснее того же Кристана. Что уж и говорить про остальных разбойников. Но это было понятно. Даже закаленный в боях Кристан страдал от тщеславия, не способный всерьез воспринимать угрозу от фермера. Не избалованные гладиаторы были лишены этого. Они просто брали в руки оружие и делали то, что от них требовали – сражались на пределе своих сил. Всегда.

За тем, как Джеймса избивали, пришли посмотреть и другие. Азентор стоял подле стены, огораживающей площадку для тренировок. Бормоча сквозь густую и сальную бороду, он нахваливал Артэна. Вожака клана впечатляли объёмы блондина и способность стойко переносить побои. Джеймс так же приглянулся бандиту. Азентор напомнил стоящему подле него Кристану, что отнёсся крайне скептически к решению Кхалис, но вынужден признать, что южанин казался человеком с прочным стержнем внутри. Ничто приключившееся с ним так и не сумело его сломить. Это было достойно похвалы.

Кристан нехотя соглашался, старательно указывая на слабые стороны Джеймса. Головорез нарочито упускал из виду травмы, раны и голод фермера, которые оставили последнего без сил. И каждый раз понимая, что ему не удаётся переубедить Азентора, Кристан клал свою руку на плечи стоящей перед ним на коленях девушке, с силой сжимая её шею. То была Кара. Её обнажённое тело было перетянато чёрными, кожаными ремнями, едва прикрывающими

интимные места. Во рту был кляп, мешающий Каре даже выть от боли, причиняемой Кристаном.

– Разве ты не собирался сделать из неё гладиатора?

– Конечно, конечно. Уже скоро. Хочу дать ей насладиться шоу. Пусть посмотрит, что её ждёт.

– По-моему, ты просто наслаждаешься ею сам. Не валяй дурака, Кристан. Забери девку себе и дело с концом.

– Ну уж нет. – Бандит усмехнулся. – С этой мерзкой тварью будет больше хлопот, чем удовольствия. Просто дай мне немного времени.

Со стороны тренировочной арены послышался гул неодобрения, привлёкший внимание командующих кланом Железного Кулака. Обратив внимание на происходящее, Кристан замахал руками, указывая на фермера, отчаянно сопротивляющегося атакам гладиатора.

– Он снова это сделал! Жалкий червь! Как можно держать его в живых?

На песке арены происходило следующее. Всё то время, что Азентор разговаривал со своим генералом, лысый мужчина с деревянным мечом в руках наседавал на Джеймса, не давая последнему продыху. Уставший и измождённый южанин старательно оборонялся, но всё же пропускал удары соперника. Силы Джеймса давно его покинули. Было сложно сказать, как он всё ещё продолжал защищаться и для чего. Парень не видел никаких возможностей переломить ход дуэли в свою сторону, кроме одной. И Джеймс повторил тот же трюк, что исполнил в бою против Кристана, несколько дней назад. Он отскочил от нападающего на несколько шагов и бросил в него своё тренировочное оружие, тут же рванув всем телом следом. Но гладиатор не только отбил летящий на него меч, но и остался полностью сосредоточен. Фермер набросился на мужчину, повалившись вместе с ним на песок. Но прежде, чем Джеймс успел нанести хотя бы один удар, замахнувшись кулаком, он почувствовал, как рука гладиатора вонзилась в его челюсть костяшками. Взгляд Джеймса рванул в небо, теряя из виду землю. Гладиатор же нанёс второй удар кулаком в то же самое место, которым сбросил южанина с себя. Джеймс повалился на спину, не способный пошевелиться. Гладиатор же, с которым сражался парень, поднялся на ноги без чьей-либо помощи и обратился взглядом к Варену. Генерал разбойников одобрительно кивнул, после чего лысый мужчина вернулся к своим тренировкам, словно никакого боя с фермером и не было. К тренировкам вернулись и все прочие на арене. Никто совершенно не обращал внимания на лежачего Джеймса. Его словно и не было.

Но только не Кристан. Этот крайне неприятный и грубый бандит сокрушался перед Азентором, настойчиво обзывая Джеймса трусом, слабаком и крайне скользким червём. И это было понятно. Как бы Кристан не отнекивался, сохраняя самоуверенность, стычка с южанином не давала ему покоя. Генерал мечтал наяву, чтобы фермера четвертовали и сожгли. Он ненавидел Джеймса за унижение, которое испытал во время нападения на деревню Кондина.

Но Азентор отнекивался от Кристана. Что вызывало сильное недоумение у разбойника. Все знали вожака, как крайне грубого и сурового человека. Азентор относился буквально ко всем с презрением. Вождь был такой же разбойник, как и прочие, почти никогда не встречавший сопротивления в стычках с фермерами южной Фелестины. Огромное количество людей подчинялось ему, что так же сказало на характере Азентора. Он чуть ли не надел корону себе на голову, страдая от тщеславия и мысли, что каждый бандит в его клане испытывает животный страх перед ним. И вот, этот грозный и самовлюблённый мужчина, обожающий унижать и измываться над прочими, по какой-то причине встает на защиту жалкого фермера, не способного постоять за себя.

Но в этом и был секрет. Частично. Вожак Железного Кулака смотрел на Джеймса трезвым взглядом. Он видел, что парень, особенно щуплый на фоне гладиаторов клана, раненый и измождённый, несокрушимо защищается несмотря ни на что. Точнее защищался. И всё-таки был повержен, но тем не менее! Азентор признал, что Джеймс достойно держался и фокус

с брошенным мечом в соперника казался вождю не подлостью и хитростью. А изобретательностью. Возможностью к сопротивлению, когда, казалось бы, никаких возможностей и нет вовсе.

Как только все гладиаторы вернулись к своим обычным тренировкам, вождь клана вернулся и покинул арену, так и не удостоив своего генерала хоть каким-то ответом. Кристан остался раздосадованным лояльностью Азентора к фермеру. Разбойник от злости ударил ладонью по затылку пленной девушки, отчего та упала лицом в песок. Но этого было крайне мало. Кристан хотел бы начать крушить всё вокруг и рубить мечом головы, но просто выплеснуть злость казалось недостаточным. Всё, что могло бы удовлетворить бандита – это расправа над южанином. Пусть и чужими руками. Уверенной походкой, Кристан направился к Варену через арену.

– Расправься с ним.

Варен с недоумением взглянул на бородатого мужчину, говорившего в пол голоса так, чтобы прочие его не слышали.

– С этим южанином. Пусть его добьют в дуэли. Или прирежут в казарме. Не важно, я хочу, чтобы он сдох.

– Тебе нужно было это сделать самому, когда был такой шанс.

– Ты знаешь! – Взорвался Кристан, но опомнившись, вновь понизил голос. – Она помешала. Эта... Кхалис. Ты ведь был там.

– Ты не смог пойти против её воли, почему думаешь я стану? – И Варен не стал бы. В отличие от многих, испытывающих страх перед лучницей, Варен испытывал к ней уважение, как к надёжному соратнику.

– Я не прошу тебя лично делать грязную работу. У тебя полно ублюдков в подчинении.

– Мои гладиаторы не вырожда. Они не станут, а я не заставлю. Ищи другие возможности. – И с этими словами, Варен отвернулся, как бы демонстрируя конец разговора. Но тут же обернулся, вспомнив что-то важное. – И когда ты приведёшь свою девку? Все мои гладиаторы должны жить под одной крышей.

Как ни в чём не бывало, Варен продолжил раздавать указание тренирующимся мужчинам. Кристан в недоумении остался стоять на месте. Никто не обращал на него внимания и это должно было ещё больше разозлить разбойника. Но вместо того, он успокоился. Кристан осознал, что ему не дожидаться поддержки Варена. И уж тем более под пристальным вниманием Кхалис, которую он разглядел на балконе главного здания вдалеке.

– Забирай. Она мне больше не нужна. – Кристан указал на Кару, лежащую на песке и перетянутую кожаными ремнями по всему телу, рукам и ногам. После чего устремился покинуть арену.

И вновь все движения тела и языка генерала остались без внимания. Не то, чтобы гладиаторы были бесчувственными пугалами. Им, как и большинству смертных людей были интересны любые дразги, особенно между власть имущими. Но Варен, его приказы и его внимание, являлись главным приоритетом. Сейчас мужчины были заняты тренировками и это – самое важное занятие, достойное все целого участия. Никто не хотел раздражать Варена, а Варен хотел исполнения обязанностей воинов арены. И рабы прилежно продолжали сражаться на деревянных мечах.

Кем же был для гладиаторов Варен? В первую очередь, безусловно, хозяином. Так же, как они сами прежде всего являлись рабами. Каждый мужчина, сражающийся на арене за честь и славу клана Железного Кулака, был лишённым свободы. Пленным фермером с юга, заблудившимся путником или нищим с севера, провинившимся разбойником, не способным заглядеть свою вину. Рабы – полностью подчиняющиеся приказам хозяев и готовые идти на смерть. Но что примечательно, Варен для гладиаторов был не только господином, но и наставником. Даже старшим братом, пусть и крайне специфичным, и жестоким. В отличие от служанок и работников шахты, о которых пусть и заботились, но всё же не церемонились, мужчинам

ставшим воинам для боёв на арене очень даже повезло. Варен был благосклонен к подчинённым, стараясь не злоупотреблять своим положением. Он никогда не измывался над рабами понапрасну. Даже больше, генерал Железного Кулака поощрял братские отношения между гладиаторами. Он позволил воинам сформировать сплочённость и поддержку внутри своей общины. Он настаивал на том, чтобы гладиаторы поддерживали друг друга и приходили друг другу на помощь. И это несмотря на то, что им приходилось сражаться друг против друга. Но Варен видел плюс и в этом. По его мнению, будучи товарищами, гладиаторы постараются избегать лишних смертей во время турниров. Да, это не должно было мешать зрелищности, и генерал был строг в этом плане. Но всё же, поддерживал трепетное отношение среди воинов, отлично понимая острую нехватку в человеческом ресурсе южной Фелестины. А ведь это ещё не учитывая схватки, проводимые между четырьмя разбойничьими кланами, в которых чаще побеждали более слаженные команды гладиаторов. И ничто не было престижнее в этом узком мирке, в котором жили головорезы.

Разумеется, мужчинам были позволены и удовольствия, которые входили в часть заботы о них. У каждого была своя личная комната, где воины могли уединиться. Их достойно кормили. Рядом с казармами стояла пристройка, в которой находилась баня и мужчины были обязаны посещать её ежедневно. Несколько служанок навещали гладиаторов, чтобы избавить их тело от волос и делая им массаж. И в довершение всего, гладиаторы имели право лечь со служанками в одну постель. Не часто и даже редко, но всё-таки. Варен считал это важным. Однополюе отношения были под строгим запретом и в то же время не хотел, чтобы воины арены были лишены женской ласки. Особенно, по мнению генерала, это должно было избавить общество гладиаторов от вражды внутри казарм. Чтобы более сильные мужчины не преследовали более слабых с целью насилия. Само собой, победители арены, приносящие больше славы клану, чаще прочих ходили на свидания с пленными девушками и женщинами Железного Кулака. И помимо важности удовлетворения их аппетита и поощрения, такой подход должен был вызывать здоровую конкуренцию среди гладиаторов. Работало ли это? От части, да. Но всё же, среди всех воинов клана были несколько чемпионов. Превзойти которых никто не мог, как-бы они не старались.

И одним из чемпионов арены являлся Ману. Скорее даже он был не одним из, а над всеми прочими. Настоящий победитель, силач, фаворит. Крупный, среднего роста, с очень выдающимися мускулами. Все гладиаторы находились в отличной форме – такова была их работа. Но многие выглядели слишком гладкими с этими шарообразными мышцами груди и рук, измазанные маслом и гладко выбритые. Ману выглядел иначе. Не такой изящный и симпатичный, как прочие, но женщины всё равно предпочитали его остальным за его выдающуюся силу, харизму и брутальность. Мышцы Ману походили не на округлые шарики, а на грубые, угловатые кирпичики, покрытые сильно выделяющимися паутинами вен. Грубое лицо, с маленькими, впалыми глазницами и широким, выпирающим подбородком, тоже было сложно назвать произведением красоты. Но слегка асимметричное, с тёмными коротко стриженными волосами, лицо Ману не отпугивало от себя людей, а привлекало. Возвращаясь к этому вопросу, важно понимать, что Ману видели не страшным, аляповатым гоблином, а богом арены. Смертоносным берсерком. Грубым и сильным приматом. Мужчины видели в нём мощь, которую уважали. Женщины были способны разглядеть в нём животную, первобытную сексуальность. Подобное можно было назвать волшебством, но гладиатор Ману казался окружающим многократно симпатичнее, чем он был на самом деле.

Молчаливое уважение гладиаторов к Ману и беспрекословное повиновение Варену – это всё, что успел увидеть и обдумать Артэн в те короткие моменты отдыха, которые предоставлял ему его оппонент по тренировкам. Когда же солнце покатилося к горизонту, сражения на арене подошли к концу. Гладиаторы по складывали боевой инвентарь и для них настало свободное время. До самого вечера, когда придёт время ужина и вечерней бани, каждый муж-

чина мог заняться своим собственным делом. Общением друг с другом или продолжая физические упражнения, рассматривая картинки в книгах или мастера поделки из дерева.

Артэн наконец-то выдохнул. И сделал это по-настоящему свободно, полной грудью. Его персона более никак не привлекала внимания других гладиаторов, наставников и самого Варена. До самого вечера он был свободен и даже от посторонних мыслей, которые не шли в его уставший и измотанный мозг. Перед самым сном Артэн успеет укорить себя за то, что за весь день ни разу не вспомнил о Зари, но не сейчас. Сейчас у него не было сил даже для самобичевания. Блондин просто сел на песок, вытирая грязными ладонями пот со своего лица. Он оглядел взглядом тренировочную площадку и увидел лежащего на песке Джеймса – своего лучшего друга. Друга, который подговорил их с Зари на это приключение, ставшее слишком скверным, слишком рано.

Но злобы никакой не было. Джеймс много лет мечтал о судьбе Героя и активно развивал эту идею внутри их дружной компании. Но парень никого ни к чему не принуждал. В этом была вся соль – Артэн и даже Зари, своим собственным рассудком и сердцем прониклись авантюрой и поддержали Джеймса. Не смотря на то, к чему вся эта затея в итоге привела, блондин всё ещё любил своего дражайшего товарища, почти брата. Последние два дня Артэн сильно переживал за Джеймса, хотя украдкой видел, как за ним ухаживали служанки. И сейчас здоровяк вновь собрал свои мысли и силы в кучу, поднялся на ноги и направился к фермеру. Артэн обязан был помочь другу.

Подойдя вплотную, блондин увидел, как Джеймс перевёл свой взгляд с чистого неба над головой на друга. Оказалось, что побеждённый и измотанный южанин уже давно пришёл в себя, после того как пролежал без сознания после сокрушительных ударов опытного гладиатора. Артэн протянул другу руку. Некоторое время, Джеймс никак не реагировал, и здоровяк просто ждал, пока южанин не принял помощь. Блондин помог Джеймсу подняться и опираясь друг на друга, не говоря ни слова, оба они дошли до комнаты фермера. Артэн усадил Джеймса на кровать и встал напротив него. Оба они имели и силы, и возможности вести беседу, но совершенно не знали, что сказать. В глазах Джеймса читалась благодарность и в целом, этого было более чем достаточно.

Артэн переменялся с ноги на ногу и вышел в коридор, всё так же не осмеливаясь нарушить тишину. Уставший и всё ещё не привыкший к новой жизни раба-гладиатора, Артэн добрался до своей комнаты и оказавшись на кровати, крепко заснул, едва успев представить в голове образ своей Зари.

Утро в казармах наступало чуть раньше, чем показывались первые лучи солнца за горизонтом. Среди гладиаторов строго соблюдалась дисциплина. Никто не приходил будить рабов по утрам, ведь каждый из них пробуждался самостоятельно. Мало кому хотелось пропускать завтрак – до полудня каждому из мужчин понадобятся все силы для борьбы. Но иногда случалось так, что раб мог пропасть, уставший за предыдущие дни. Прочие гладиаторы сами будили засонь, иногда относясь к ним снисходительно, а иногда не очень.

Этим утром, Артэн рисковал проспать подъём. Но громкий шум в коридоре взбудрил его. Постанывая от боли в суставах, блондин поднялся с кровати и вышел из комнаты, ведомый любопытством. Мужчины снаружи громко говорили и смеялись. И Артэн понял в чём дело, когда разглядел среди них девушку, одетую в серые лохмотья и забившуюся в угол.

– Это что за шутка такая? – Недоумевал один.

– В гладиаторы теперь берут хлюпиков с сиськами? – Поддерживал второй. – Ты девочка или мальчик?

– Не валяй дурака, идиот! – Возражал ему третий. – Видно же, что девчонка.

– Видно то оно видно. Да только ничего не понятно!

Артэн наблюдал за происходящим со стороны. Он видел, как гладиаторы обступают девушку со всех сторон. Вероятно, она в тот момент испытывала настоящий ужас, хотя и стоило отдать должное рабам. Никто из них не позволял себе вольностей.

– Что здесь происходит? – К собравшимся подошёл Озил. Блондин уже знал его, как одного из сильнейших гладиаторов Железного Кулака.

– Да вот, нам тут девку прислали. А что с ней делать не сказали.

– Вы что, девок никогда не видели? Сюда часто приходят служанки. Что ей надо?

– Ты не понимаешь, Озил. Ронган привёл её и сказал, что это новый гладиатор.

– Что за чушь. Как такое может быть?

– Нас всех мучает этот вопрос. Но с Ронганом спорить никто не станет.

– Озил! – К группе людей, собравшихся вокруг девушки, подошёл Ману. Чемпион. Тот, кого уважал и слушался каждый раб в этом жестоком месте. – Разгони этих зевак. Нечего тут смотреть.

Не подумав пререкаться, Озил послушался. Но и прочие гладиаторы поняли из слов Ману, что от них требуется. Для виду, Озил помахал руками, и все разошлись по разным сторонам. Остались лишь два товарища и прижатая к стене девчонка.

– Что ты об этом думаешь, Ману?

– Стараюсь ничего не думать. Изю всех сил. Эта девка Кристана. Насколько я понял, Варен и сам не доволен, но вожаки имеют право распоряжаться своими рабами как вздумается. А значит, девчонка теперь гладиатор. Пф. Даже называть её так противно.

– Её бы проучить как следует. Смотри.

Озил показал на девушку, которая хоть и смотрелась рядом со здоровыми мужчинами крайне слабой и забитой, но в глазах её виднелась злоба. Она смотрела на гладиаторов исподлобья, излучая волны презрения и ненависти. Скрюченную Кару было невозможно назвать хищной кошкой. Но она вполне могла сойти за мелкого шакалёнка, жаждущего вцепиться в любого своими острыми зубами.

– Это случится само собой, рано или поздно. К отчаянной и дикой бабе лучше в рот не лезть. В конце концов, она всё равно сломается. Да же рук прикладывать не придется.

– Про фермера мы то же так говорили. Тот, которогодохлым привезли.

– Ну и что? После вчерашней взбучки, он вероятно с постели не встанет.

– Как бы не так. Он уже во всю тренируется на площадке.

Ману оказался удивлён услышанным. Но во взгляде его читалось безразличие. Словно для него это было и так очевидно. Мало ли что тренируется? Сегодня-завтра ещё побрыкается, а через пару дней сломается. Так видел Ману фермера с юга. Всего лишь недоразумением. Чемпион в целом был крайне суровым мужчиной. Он не сильно то любил людей, уважая лишь силу. Отчего в его круг общения входили лишь двое-трое гладиаторов, среди которых был и Озил.

– Отведи девку в комнату и запри. Пусть побеснуется. И поставь кого-нибудь караулить, чтобы никому в голову не пришло к ней вломиться. Я слышал, она откусила щеку одному разбойнику.

– Хорошо. Встретимся на песке?

– Да. Пойду посмотрю на наших новобранцев.

Ману направился на выход из казарм, которые к тому моменту уже опустели. Когда же чемпион вышел на тренировочную площадку, он окинул взглядом всех мужчин, занимающихся упражнениями. Они бегали, приседали, отжимались, перебрасывали валуны. Некоторые, кому не хватало навыков в контактном бою, устраивали спарринг. Ману увидел среди тренирующихся Джеймса. Фермер отжимался. Для обессиленного человека, Джеймс отлично справлялся с упражнениями. Но в глазах чемпиона всё это походило на тараканью возню.

Однако, не Джеймс интересовал Ману. До фермера вообще никому не было дела, словно его и не существовало. Чемпион же высматривал Артэна и разглядев того среди кучи мускулистых здоровяков, направился к нему.

Блондин вновь тренировался со щитом, отбиваясь от атак соперника. Варен настаивал именно на таком виде обучения для Артэна, разглядев в южанине потенциал защитника. Ману же, проходя вдоль тренирующихся, взял со стойки деревянный меч и словно разъярённый бык помчался на блондина. В глазах южанина промелькнул страх. Он уже несколько дней занимается более чем не привычным для него делом – принимает на себя атаки крупных и сильных мужчин, привычных к сражениям. Но ещё никто не надвигался на него так неистово, как Ману. В глазах Чемпиона читалось какое-то бескомпромиссное превосходство. Когда он вот так, сурово и напористо смотрел на свою цель, казалось, что тебя уже скручивают, комкают, превращая в бесформенную массу.

Оказавшись в двух шагах от блондина, Ману подпрыгнул и обрушился на фермера тяжёлым ударом меча. Защищаясь щитом, Артэн почувствовал, как в руках раздалась колючая боль. И гладиатор не собирался на этом останавливаться. Не жалея сил, но совершая выпады исключительно по щиту защищающегося, Чемпион колотил мечом так, словно это была кувалда, которой он хотел вбить врага в землю. Артэну казалось то же самое. В ногах он почувствовал напряжение. От каждого удара Ману, блондин отступал на шаг назад и становился всё ниже и ниже, прогибаясь в коленях.

Когда же неистовый шквал выпадов закончился, Артэн продолжал укрываться щитом. Он совершенно не хотел рисковать, оказавшись перед Чемпионом без защиты. Пока деревянный меч, переломанный в нескольких местах, не упал рядом с ним. Тогда блондин отвёл руку в сторону, выглядывая из-за щита. Ману перед ним, стоял предлагая помощь подняться на ноги. Немного замешкав, Артэн всё же принял помощь, но Чемпион продолжил держать его за руку.

– В этом вся суть. Ты – гладиатор. Таким мы тебя приняли в свои ряды. И теперь ты часть этой семьи. Сильный и способный. И внутри семьи принято помогать. Поддерживать. Это в тебе тоже есть. И это мне нравится. Но запомни, – И Ману лишь крепче сжал руку блондина. – Мы не помогаем тем, кого не приняли. В прошлом, вы могли быть друзьями, или даже братьями. Но отныне, твои братья – это гладиаторы. Мы не принимаем тех, кто этого не достоин. Не помогаем им. Не делим с ними еду. И это правило нельзя нарушать! Я приму во внимание то, что ты не знал этого и то, что вас могло связывать в прошлом. Но если ещё раз я увижу, как ты хотя бы заговоришь с этим недомерком... – Чемпион кивнул головой в сторону Джеймса, который внимательно наблюдал за происходящим, как и все. – То для меня ты перестанешь быть одним из нас. И для одного из нас, но не для меня, это кончится скверно.

Кончив говорить, Ману наконец отпустил руку Артэна, после чего развернулся и направился в сторону казарм. Блондин чувствовал силу Чемпиона в ноющей ладони, в словах и взгляде Ману и в его авторитете. Никто, и даже Варен, не сказали своего слова, хоть как-то вмешиваясь в происходящее. И Артэн был готов поверить в обещание гладиатора. Благо, кинув взгляд на своего друга Джеймса, южанин увидел понимание и поддержку. Неужели их дружба так и закончится сегодня.

Глава 5. Отчий Дом

В помещение раздался резкий хлопок. Служанка, одетая в чёрное и белое кружево, отшатнулась на шаг от Кхалис, держась за щеку и постанывая от боли. Рука лучницы была крепкой, и пощёчина принесла рабыне не мало боли. Но получив наказание, девушка старалась не плакать и не могла себе позволить сбежать, ведь её обидчица имела над ней полную власть и ещё пока не разрешила скрыться из виду. Кхалис же, совсем немного повременив, решила, что пощёчины было мало и с силой толкнула рабыню в грудь. После чего девушка упала на спину, выронив из рук поднос с бокалами, которые с треском попадали вокруг неё.

– Тупая сука. – Выругалась Кхалис, рассматривая свою одежду. На ней был надет кожаная куртка. Точно такая же, в каком она выбиралась на бандитские вылазки. А на левой груди красовалось тёмное, бардовое пятно от вина, которое разлила проходящая мимо служанка. За что последняя и получила свою порцию негодования от лучницы.

– Ни к чему быть настолько грубой, Кхалис. – Обратилась к девушке Валейна.

– А как ещё? – Возразила лучница, указывая на служанку. – Бестолковая обезьяна. И это не какая-то одна такая. Что у нас здесь? Бандитский оплот для отъявленных головорезов, или притон для криворуких куриц, не способных ни на что, кроме как ублажать мужчин? А у меня, между прочим, нет члена!

Кхалис театрально раздвинула ноги и покачала бёдрами, как бы наверняка убеждаясь, что между ног у неё нет ничего, что могло бы там болтаться.

– Может быть, в этом и проблема? – Волшебница, улыбаясь, пригласила лучницу присоединиться к ней за чайным столиком.

Это приглашение Кхалис приняла, направившись в сторону Валейны, рядом с которой уже сидела Сира. Женщина была в длинном, обтягивающем платье, как всегда голубого цвета. Она не спеша пила чай из маленькой кружечки, что в общем сильно контрастировало с общей атмосферой в клане. Здесь никто не пил чай. И тем более из мелкой посуды. Девушка рядом с Валейной, её служанка, сидела скромно, стараясь не поднимать головы. Волшебница обещала южанке, что та всегда будет в полной безопасности рядом с ней, даже в таком мерзком месте как это. Но Сира всё ещё чувствовала себя неуверенно среди разбойников и головорезов. Сегодня на танцовщице было надето широкое, длинное платье цвета осенней листвы. И много, очень много украшений. Кольца, серьги, ожерелье.

Подойдя, Кхалис присела за стол, приняв расслабленную позу, почти распластавшись по стулу. Она глянула на Сиру, которая сидела сжавшись, а потом на Валейну, грациозно восседающую на своём стуле, ровно держа осанку.

– Я серьёзно. – Продолжила лучница, не готовая просто так отпустить ситуацию. – Почему мы держим их здесь? Для кого всё это? Эта прорва рабынь, призванная ублажать каждого нашего воина. Среди которых, если разобраться, воинов то и нет. Один сброд. Мы не какой-то там великий Железный Кулак. А кучка бандитов, только и умеющих что обирать фермеров. И вместо того, чтобы проводить тренировки наших бездарных головорезов, мы снабжаем их шлюхами! Это вообще нормально?

– Милая, тебе стоит научиться расслабляться. Все наши женщины не только для мужчин. Выбери себе одну. Пусть тебе сделают массаж. Получи удовольствие.

Кхалис нервно хохотнула.

– Откажусь, пожалуй. Женщины меня не привлекают.

– Очень зря, дорогая. Женщине есть чем тебя удивить. – Валейна привыкла к тому, что её воспринимали в клане неоднозначно. И в какой-то момент решила, что не станет сопротивляться. Заблуждения на свой счёт её забавляли.

– Не нужно, Валейна. Не нужно пытаться привить мне свои интересы. Я, конечно, тебя не осуждаю, но как по мне, это противно.

За столом воцарилось молчание, но мимолетное. Волшебница поднесла кружку к губам, аккуратно отпила из неё, наслаждаясь ароматным вкусом черничного чая.

– Каждому своё. – Валейна поставила чашку обратно на стол. – Но я всё равно не вижу никакой проблемы. В Железном Кулаке полно мужчин. Уж ты то можешь выбрать любого.

– Умоляю тебя. Чтобы я позволила хоть одному из этих жалких червей дотронуться до своего тела? Разве это мужчины? Мерзкие, пьяные, уродливые. Хилые! Любого я уложу на лопатки. Ночь с таким станет не удовольствием, а позором, сопровождаемым рвотой.

– Я понимаю, о чём ты. Но ведь есть и другие. Кристан?

– Всё, что я уже сказала, сдобренное непомерной гордостью. – Лучница скривилась в лице от одного упоминания Кристана. – Этот выродок худшее проявление мужчины в клане.

– Понятно. Ну а... Как же Варен? – Упомянув генерала, волшебница заговорщически наклонилась, приблизившись к Кхалис. Лучница пододвинулась в ответ.

– А что Варен?

– На сколько мне известно, вас ведь уже кое-что связывает.

– Что ты хочешь этим сказать? Ты что, следишь за мной?

– Ну если и так, кто бы мне помешал?

Валейна скромно улыбнулась. В какой-то степени это было правдой. Валейна Ледяное Касание. В этом мире лишь женщины из людского племени могли обладать магическими способностями. А из всех женщин, таковыми были лишь единицы. И Валейна была одна из них. И не просто волшебница, а крайне могущественная. Если большинство из тех немногих, кто обладал даром к магии, могли похвастаться лишь небольшими способностями, то Валейна являлась чародеем совсем иной ступени. Будучи волшебницей льда, она была способна призывать настоящие, снежные бури. Пусть и с большим трудом. Вот только Кхалис Пронзающий Ветер тоже не спроста имела своё прозвище. И лучница скромно улыбнулась в ответ.

– Всегда уважала и признавала твою силу, Валейна. Но не шути так. В конце концов, моя стрела может пронзить твою шею ещё до того, как ты произнесёшь хоть слово.

– И я восхищаюсь тобой, дорогая. Ты уникальный боец. Уверена, в отличие от большинства, ты бы даже успела вскочить со стула до того, как примёрзла бы к полу.

Сира, всё это время сидящая рядом и внимательно слушавшая разговор генералов Железного Кулака, вздрогнула. Простая танцовщица никак не могла себе представить, чтобы женщина могла обладать подобной силой и следовавшей за ней властью. Валейна, тем временем, продолжила.

– Но, конечно же нет, я не следила за тобой. Никогда. Да и к чему это? Умудрённая женщина способна понять такие вещи, просто на них взглянув. На вас с Вареном. Но будь уверена, я не собираюсь распространяться об этом. – И увидев, как взгляд лучницы на миг перескочил на Сиру и обратно, она добавила. – Она то же. У нас полное взаимопонимание. Так что с Вареном?

Волшебница и лучница вновь приняла свои изначальные позы, моментально успокоившись после так и не начавшейся конфронтации. Что же, это была лишь небольшая перепалка с угрозами, для поддержания спортивного духа. Валейна продолжила пить чай, а Кхалис задумалась, словно пробуя имя Варена на вкус.

– Варен, как Варен. Ничего особенного. – И ещё немного подумав, продолжила. – Он, конечно, не так плох. Безусловно силен. Вполне хорош собой. Не такой мерзкий, как все. Его и разбойником то сложно назвать. Он всё таки воин. Может быть, даже сошёл бы за рыцаря. Интересно, что в его жизни пошло не так?

– Да знаю я, кто такой Варен. Что между вами то было? И произошло.

– Да ничего особенного. Поразвлекались друг с другом и всё. Просто надоело. И мне. И ему. Так бывает, разве нет?

Валейна с сожалением выдохнула, хотя её эмоции были от части наигранными.

– Конечно. Немного жаль, ведь что может быть лучше, когда кто-то способен скрасить твои вечера. Но что поделаешь. Просто, между вами не случилось волшебства.

Кхалис с удивлением на лице расхохоталась.

– Волшебства? Что это по-твоему? И откуда бы ему взяться?

– Дорогая Кхалис. Ты удивляешь меня. Неужели ты ничего в этом не смыслишь? Хорошо, я расскажу тебе. Люди сходятся вместе по разным причинам. И вовсе не обязательно, чтобы их объединяло общее дело и увлечения. Люди проводят время вместе не только с теми, с кем можно поговорить перед сном. Порой, людей объединяют обстоятельства вокруг. Пары сходятся вопреки запретам или общественному порицанию. Иногда людей объединяет случай. Жестокий или радостный, не важно. Кто-то ищет своего спутника и находит лишь по тому, что устал быть один. Кто-то прикипает друг другу со временем. Когда ничто не говорит о возможности соединения людей, но время играет свою роль. Всё это частые и понятные случаи. Но бывает и так, что между двумя людьми происходит волшебство. Проскакивает магия. Всё, о чём могут думать эти люди, только друг о друге. Всё, что они могут представлять перед своими глазами, это друг друга. И зачастую для подобного не нужно времени. Стоит только один раз увидеть такого человека, как мир вокруг наполняется чарами. Зудящими, надоедливymi, но такими прекрасными...

Кхалис, слушая волшебницу, лишь сильнее напрягалась. Лучнице не нравилось, что её собеседница лезет не в своё дело. Так ей казалось. И Кхалис могла лишь понять негодование к Валейне, не задумываясь о том, что последняя, очевидно, попала в самую точку.

– Какая же ерунда. – Обрубила Кхалис. Её голос звучал тревожно и неровно. – Такой глупости я ещё не слышала. Ты, Валейна, живёшь в каком-то своём, другом мире. Ты маг. И возможно твой мозг думает не так, как у здорового человека. Но у таких как я, простых по сути людей, всё несколько проще. Я знаю себе цену. И ожидаю достойного человека, чтобы обратить на него внимание...

И Кхалис вдруг опомнилась. С чего это она вообще так разговорилась? Разоткровенничалась? Рассказывает тут этой волшебнице, встречи с каким мужчиной ждёт, что в них привлекает. Это не должно волновать Валейну. Это и её саму то не волнует!

Лучница вскочила из-за стола. Она явно была раздражена. И зла. Валейна была намного старше, но вся её натура, её манера держаться, её тон, её чуткое хладнокровие и слишком тонкая улыбка... Как у неё получается так глубоко и искусно заползть людям под кожу?

– Этот разговор мне наскучил. И уже давно! – Поспешила добавить Кхалис, как бы указывая на то, что её вовсе не задели слова о возможной любви к человеку, которого достаточно раз лишь повстречать. – Да и в целом, я уже и так задержалась. Валейна, если это не затруднит тебя, передай Азентору при встрече, что я отправилась на охоту.

И не прощаясь, Кхалис развернулась и направилось на выход из зала, предназначенного для отдыха и трапезы только генералам Железного Кулака. Валейна так же промолчала. Она широко улыбнулась. Такие разговоры поддерживали в ней тонус, ведь на самом деле, между генералами клана никогда не было дружбы и тёплых отношений. Всё, что объединяло их, это желание иметь статус и власть. Пусть возможность подобного для них и представилась только здесь. В месте, где амбиции столь ничтожны и малы. В разбойничьем клане на юге Фелестины.

Вечером того же дня, стражники сопровождали Ману за территорию казарм, где гладиатора ожидал генерал Железного Кулака – Варен. Встретившись со своим хозяином, Ману

склонил голову. Раб и гладиатор, он хорошо знал своё место и кроме того, испытывал глубочайшее уважение к господину. Дело было в том, что пусть Ману и держался отстранёно большинства гладиаторов клана, всех их он считал своими людьми. Сила и успехи на арене делали Ману сложным в общении другом и товарищем, но именно та сила и те заслуги, которыми гладиатор обладал, сделали его так же и лидером. Не гласным. И его никто не выбирал. Ману лично взвалил на себя эту ношу. И как лидер, заботящийся о благополучии каждого своего человека, он безмерно ценил здравомыслие Варена и отсутствия у генерала неоправданной тяги к жестокости.

– Хозяин.

– Ману. Я знаком с правилами, которые ты ввёл внутри вашего общества. И ты знаешь, что я не препятствую тебе играть в это маленькое подобие государства, со своими законами и кодексами. И более прочего, не подпускаю Азентора навести в гладиаторских казармах свой, только ему понятный порядок.

– Благодарю, Господин. Но что произошло...

Ману замолчал, как только разглядел суровый взгляд генерала. Кажется, Варен ещё не закончил говорить и рабу бы не стоило перебивать своего хозяина.

– Я здесь не на долго и, разумеется, не планирую спорить с тобой. Парня и девчонку определили в гладиаторы. И не тебе, Ману, оспаривать это. В Железном Кулаке много хозяев и у каждого есть своя воля. Эти двое должны быть допущены до тренировок, трапез, бань. И вы должны отнестись к ним, как к равным. Это всё.

Генерал хлопнул Ману по плечу и отдал приказ стражам сопроводить гладиатора обратно в казармы. Но Ману всё же осмелился обратиться к господину напоследок.

– Но девчонка. Она не может быть равной.

– Она слаба. – Варен всё же не оставил гладиатора без ответа. – И она не сравнится с сильными мужчинами, ежедневно оттачивающими свои навыки. Но она гладиатор. Теперь. Сделай то, что считаешь нужным. Первого гладиатора – женщину? Пусть так. Это позабавит многих на арене. Или сломай её, как любого другого, слишком слабого и никчёмного.

На этом, разговор был окончен. Стражники повели Ману в казармы, а Варен неспешным шагом прогуливался по территории клана. Улица казалось ему пустой и даже мёртвой. Разбойники предпочитали сидеть в помещениях, рассказывая друг другу байки, напиваясь и трахаясь. Гладиаторское общество симпатизировало Варену куда больше. Да, им было не дозволено пить, а женщин получали лишь самые сильные и крайне редко. Возможно, будь всё это не в ограниченном доступе, и гладиаторы бы скатились на дно. Но сейчас, они казались слаженным коллективом. Они старались помогать друг другу и их объединяло одно большое, общее дело – постоянные тренировки. И если кому-то из них были нужны дополнительные занятия, другие с охотой предоставляли своё время и усилия.

Разбойники же были лишены всего этого. Почти никто из них не страдал дружбой или заботой. Каждый лишь наслаждался благами своей безнаказанности. Варен задумался, насколько все они чужды друг другу. Генерал испытывал одиночество. В душе, он был воином, рвущимся в славные битвы. Будучи хозяином гладиаторской арены, Варен никогда не стремился управлять. Ему было бы достаточно командовать взводом амбициозного, но разумного вождя. Или просто идти в бой, на равне с другими солдатами, отстаивая пусть и чужие, но славные идеи. А вместо того, у него был лишь Азентор, довольствующийся малым. У Варена не было товарища или друга, способного поддержать в поле или разговоре. Не было женщины, способной разделить с генералом не только ложе, но и переживания, искренне поддерживая мужчину. Но верности у Варена было с излишком.

Остановившись немного поодаль от главного здания, Варен наблюдал за чёрным небом с сияющими на нём звёздами. Они казались ему далёкими и чужими, как и горящий свет в окнах его дома. Из которого вышла Кхалис. Поверх её обычной одежды был надет длинный

плащ с капюшоном, через плечо висел лук. В одной руке она держала колчан, полный стрел, а в другой несла походный мешок. Девушка направлялась в конюшни. Она вывела на улицу своего жеребца, водрузила на него мешок, оседлала и направилась к воротам разбойничьего оплота.

Варен понимал, что Кхалис отправилась на охоту. Она частенько выбиралась вот так, посреди ночи, так же страдая от одиночества и генерал это знал. Варен проводил наездницу взглядом. Она вызывала внутри мужчины приятные воспоминания о совместно проведённых ночах, но не более того. Кхалис красива и страстна в постели. Но этого было совершенно недостаточно для Варена и он ни капли не жалел, что прекратил однажды это подобие отношений между ними. Девушка была слишком однообразной, слишком увлечённой своей собственной силой. Она отдалась Варену лишь по тому, что посчитала его равным, но кроме секса их ничто не объединяло. Только начавшийся сухой разговор изживал себя спустя тройки фраз. Кхалис не интересовали переживания и идеи Варена и кроме того, лучница казалась чрезмерно грубой. На весь клан Железного Кулака, Кхалис славилась своим пренебрежением абсолютно ко всем. Да, Варен ни капельки не сожалел и не скучал по тому короткому времени, что они были вместе. Из всех возможных эмоций, генерал испытывал к Кхалис лишь сочувствие. Ему казалось крайне суровым испытанием, так долго жить и существовать без друзей и поддержки. И такой же одинокий как она, Варен и сам, отправился в свои покои. Грустный, хмурый.

К утру, Кхалис пришпорила своего коня подле широкой лесополосы. С поводьями в руках, она шагала мимо берёз и сосен, пока не вышла к тихому, уединённому озеру. Казалось, будто эти места были хорошо ей знакомы. Девушка привязала скакуна к дереву, сняла походный мешок, разложила небольшую палатку и позавтракала сухарями с кипятком, который разогрела в небольшой чаше на костре.

Свой лук со стрелами лучница спрятала внутрь палатки. В ближайшие часы она не собиралась ни с кем воевать или вести охоту. Кхалис думала только о прохладной воде. Она скинула плащ на землю и складывала всю свою одежду поверх него. Сбросив с себя узкий, короткий топ из кожи, она с облегчением вздохнула, высвободив свою грудь. Перетянутые ремнями штаны вызвали небольшие затруднения, никак не желая сползать с её сильных ног. Но Кхалис победила. Она сняла свои наручи, на которых были вырезаны знаки стихии воздуха, широкие белые трусы, висающие на ней мешками, и подошла к краю воды.

Кхалис потянулась руками к небу и небольшой ветерок, взявшийся из ниоткуда, обласкал её нагое тело. Девушке это нравилось. Она любила почувствовать нежный ветер, слегка щекочущий её кожу. Разумеется, ветер в свою очередь никак не мог этого знать, а если бы мог, то какое бы ему было до того дело? Но всё же, он задержался ещё на мгновение, продолжив кружить вокруг лучницы, врезаясь в грудь и ягодицы.

Никто, кроме самой Кхалис, не знал того, что она была волшебником. Однако, дело было вовсе не в том, что девушка тщательно это скрывала. По правде говоря, она и сама не воспринимала себя таковой. Лучница никогда не спрашивала Валеину о том, где та училась магии, но знала о таких местах как Даран на острове Юдай. Знала, что чародеев Эрендира любят и почитают и, само собой обучают. Но сама, Кхалис нигде не училась. Она родилась на юге Фелестины в семье фермера, ушла из дома юным подростком и стала разбойником, а заодно и потрясающим лучником, не знающим себе равных как минимум на всём юге. И на всём пути своей жизни, Кхалис никогда не считала себя магом, равно как и никто другой не мог сказать этого про неё. Девушка имела зачатки управления стихией воздуха, что помогало ей лучше ориентироваться и прицеливаться во время охоты из лука. И даже могла призвать небольшую

волну воздуха, способную разве что создать рябь на водной глади. Но всё это позволило Кхалис лишь лучше понимать эту стихию, нежели использовать её ради достижения целей.

Отпустив ветерок на волю, не волшебница Кхалис вошла в воду. Несколько раз нырнув с головой, девушка купалась в озере то интенсивно гребя руками и ногами, то неподвижно лежа на водной поверхности. А вдоволь насладившись водными процедурами, вышла на берег. Лучница, не одеваясь, разожгла небольшой костёр. Для согрева он был не нужен. Этот день был богат на тёплые, солнечные лучи и скуден на белые, пушистые облачка. Но Кхалис нравилось, как потрескивали прутья в струйках огня. Она достала из сумки маленькую баночку коричневого цвета и села на траву. Открутив крышку, девушка опустила пальцы в густую жижу, прозрачного цвета с блестящими серыми песчинками. Подхватив немного этой мази, Кхалис стала наносить её на своё тело. Лучница ладонью растирала свою шею, откинув голову назад. Эту же мазь она втерла в свои длинные, жёлтые волосы. Кхалис наносила мазь повсюду, втирая её на руки, подмышки, живот и бока. Девушка старательно обрабатывала свою грудь, особенно снизу. Мазь нужно было втирать в складки, чтобы избавляться от них, хотя грудь лучницы и без того была слишком упругой, ровной, гладкой и высоко поднятой.

Разумеется, мазь была не обычной. Такую делали травники, живущие среди фермеров. И всегда, когда Железный Кулак навещался требовать дань, Кхалис пополняла свои запасы. Для неё было крайне важным, чтобы тело оставалось идеальным. Тем более, она не представляла, как бы могла носить все эти ужасно не удобные вещи, если бы не волшебные свойства этой мази, делающее её тело и кожу не только чистой и красивой, но и выносливой и стойкой.

Заканчивая наносить жижу на грудь, Кхалис невзначай поиграла со своими сосками. Когда же девушка втирала мазь в кожу на ногах, мимолётная мысль поиграть с собой превратилась в навязчивую идею. Она загребла двумя пальцами мазь из банки, опустила руку между ног и почувствовала обжигающее удовольствие между ног. Мазь из трав, призванная для поддержания красоты и молодости человеческого тела, и в этом возымела особый эффект. Буквально мгновение спустя, вся ладонь лучницы была измазана её соками, сочащимися из неё. Свою роль сыграло и долгое воздержание Кхалис, которая с отвращением и брезгливостью смотрела почти на всех окружающих её мужчин.

То, что началось с нежного поглаживания, вскоре переросло в яростное проникновение. Кхалис старательно проталкивала внутрь два или три пальца, погружая их как можно глубже, но этого ей не хватало. Она бросила попытки симитировать мужской половой орган пальцами, вытащив их и направив в сторону клитора. Последний уже давно набух. Девушка водила пальцами вокруг него, всё сильнее раздражаясь. И почувствовав, что волна оргазма потекла одна за другой через всё её тело прямо в темечко, Кхалис со всей силы надавила на шарик пальцами, продолжая яростно его тереть, через внезапную боль кончая в сумасшедших судорогах по всему телу.

Лёжа на зелёной, короткой траве, девушка мягко и нежно водила своими пальцами по половым губам. Она ощущала лёгкие покалывания, ноги всё ещё легко потряхивало. Кхалис распласталась на земле. Почти все силы её иссякли, а на лице наконец-то появилась удовлетворительная улыбка. Отчего-то она представила брүнета, которого лично ранила во время разграбления деревни Кондина. Тот факт, что лицо южанина, лежащего в судорогах в повозке, возникло в её мыслях в такой момент, смутил лучницу. Но Кхалис быстро отбросила это чувство. Ей было хорошо сейчас, и она была готова признать, что фермер уже не раз посещал её мысли. И тучи над головой не сгустились над озером от того, что Валейна, кажется, была раздражительно права. Что же касательно Джеймса, то он, очевидно, умудрился глубоко запастись в сердце Кхалис. Она была буквально очарована тем, как фермер бесстрашно сопротивлялся шайке головорезов, возможно никогда, до того дня, не держа меча в руках. В ту ночь, лучница не рассматривала фермера, как отличного кандидата на роль гладиатора. Руки сами потянулись к колчану и спустили тетиву, посылая в бой спасительные стрелы. Ведь иначе, бедный

южанин не смог бы выстоять под натиском озверевших бандитов, стоило бы им наброситься всем вместе.

Джеймс казался Кхалис сильным и умелым воином. Не в ту ночь и по сей день, разумеется, но у фермера был потенциал. Стоило бы лишь дать ему возможность развить в себе это. Plus ко всему, фермер не являлся мерзким бандитом. Ленивым и самоуверенным бандитом Южной Фелестины. Но грубая и лёгкая на расправу, безжалостная и суровая Кхалис, завтракая яйцами в мешочке или готовясь ко сну голышом, представляла себе не того Джеймса, который сражался с Кристаном или отбивался от гладиаторов, а того, что лежал в судорогах в повозке, когда головорезы возвращались в оплот Железного Кулака. Сердце лучницы чаще билось именно от незащитного, раненого фермера, нуждающегося в спасении. И в том было не так уж много удивительного. Ведь люди, зачастую, внутри совсем не похожи на те маски и шкуры, что примеряют на себя в обществе других людей.

Когда стемнело, Кхалис покинула свой наспех сложенный привал. Палатка была собрана, все принадлежности собраны в походную сумку, а баночка с мазью покоилась поверх всего небогатого добра, которое имелось у лучницы. Как напоминание, что запасы чудесной жижи необходимо пополнить. Особенно учитывая небольшую, но очень приятную шалость подле озера. Конь же всё ещё был привязан к дереву. Девушка не переживала, что её средство передвижения и не более того, станет добычей для диких животных. Ведь сегодня, животные были добычей для неё.

Забравшись ещё глубже в лес, Кхалис взобралась на дерево и пристроилась на двух крупных ветках, растущих друг с другом. Она сидела, поджав под себя одну ногу, другой опираясь на соседний сук. Время текло не спеша. Но генерал Железного Кулака ни разу за долгий вечер и раннюю ночь не шелохнулась. Она была исключительно вынослива и натренирована. А также, опытна в охоте. Ведь именно охота являлась для неё хоть каким-то испытанием, наполняющим сердце адреналином. Кхалис зачастую отправлялась выслеживать дичь, иногда и ради лишь удовольствия. Вылазки бандитского клана на фермерские угодья не могли заставить трепетать хоть одну жилу в её теле.

Этой ночью лучница ожидала встретить волка. Когда Анор покатило солнце к горизонту, она слышала тихий вой вдалеке. Оказавшись же в засаде, девушке было не важно, сколько клыкастых тварей она встретит. У неё хватило бы стрел на каждого из стаи. Но волк был один. Может это был разведчик, обследующий местность перед стаей, или отбившийся волк, ищущий себе добычу. Не важно. Кхалис была беспощадной. Она вообще не понимала, для чего существуют волки. Их шкуры имели вес лишь в морозных краях, а мясо употребляли в еду только дикари и варвары, да и те лишь тогда, когда иная дичь отсутствовала.

Лучница натянула тетиву. Её стрела уже была наготове. Не прищуриваясь, она выцеливала жертву в четырёхстах метрах от неё. Это было далеко, мешались ветви деревьев и лунный свет едва пробивался сквозь кроны. Но своим зорким взглядом, Кхалис наблюдала, как волк брёл по траве и мху, что-то вынюхивая на земле. Девушка чувствовала каждое дуновение ветра подле себя и вдали, различая как трепещут листья. Никто так хорошо в Железном Кулаке не знал, по какой траектории пустить стрелу, как она. Сквозь воздух раздался резкий свист и мгновение спустя наконечник стрелы вонзился в череп хищника, прямо под его ухом, выскочив наружу из-под верхней челюсти. Два неуклюжих шага сделал волк, будучи уже мёртвым и его тело завалилось на землю.

На лице Кхалис вновь нарисовалась улыбка. Да, это была крайне небольшая победа для лучницы, но всё же охота сама по себе доставляла ей огромное удовольствие. Не меньше, чем секс. Лучница не спешила слезать с дерева. Некоторое время она выжидала, высматривая и прислушиваясь к окружению. Но казалось, что за волком, убитым Кхалис, никто не придёт. И наконец, девушка покинула место своей засады. Она вернулась к своему лагерю, водрузила

на коня походный мешок, отвязала его и направилась к своей добыче. Тушу волка Кхалис проткнула металлическими скобами, которые соединила крепкой верёвкой с упряжью коня и наконец, они отправились на выход из леса.

Когда же Кхалис вышла на поля с подрастающими колосьями пшеницы, ночь была лишь в самом разгаре. Впереди виднелся небольшой дом с кучей пристроек, сараем и амбаром. Девушке были знакомы эти места. Она не редко навевалась сюда, но живущий в будке голупёс каждый раз с насторожённой облаивал её. То ли он не доверял лучнице, то ли жеребцу, то ли грозному волку, пусть даже и мёртвому.

Приблизившись вплотную к деревянной хижине, в окнах которой теплился тусклый свет, Кхалис прищпорила коня и отцепила верёвки. Она собралась самостоятельно дотащить тушу хищника к дверям, которые открылись прямо перед её носом. Из дома выглянул мужчина, вдвое старше самой Кхалис. Он был одет в потускневшее коричневое тряпье. Чёрная борода с седыми проплешинами почти скрывала его рот, а лоб был весь покрыт морщинами. Взгляд, как и голос, излучали раздражение.

– Что ты здесь делаешь?

Лучница не отвечала. Она словно вросла в землю, внимательно рассматривая мужчину. Кхалис почувствовала отголоски боли глубоко внутри себя, вновь услышав этот голос. Эту интонацию, с которой говорил мужчина. Девушка была отвратительна ему и это всё ещё ранило её. Даже спустя многие годы.

– Ты снова пришла. Энлил тебя подери, я ведь предупреждал тебя не показываться больше. Убирайся прочь. – Его голос был готов сорваться на крик, хотя мужчина и старался вести себя тихо. – Что ты сюда это притащила? Убирайся говорю, пока она тебя не увидела...

Дверь дома вновь открылась, заставив говорящего замолчать. Перед лучницей оказалась женщина, примерно одного возраста с хозяином фермы. Она была на голову ниже мужчины, с такими же точно морщинами на лице, тусклыми глазами и сухими словно солома седыми волосами. Но женщина, в отличие от грубого мужчины, казалась намного приветливее. Она даже улыбнулась, увидев Кхалис.

– Агнан, замолчи. – Обрубила она своего мужа. – Хватит. Сколько раз я тебе говорила. Прости его, милая. Боги. Как же хорошо тебя увидеть.

Женщина с улыбкой на лице подошла к Кхалис, положив свои ладони на её щёки.

– Да что мы стоим снаружи? Давай скорее в дом. – Хозяйка дома отпустила лучницу и открыла перед нею дверь, приглашая войти. Кхалис приняла приглашение. В свете, исходящего из хижины, стало видно, как сильно изменилась девушка. В один миг. Словно растаяв и почувствовав внутри себя тепло, на лице генерала Железного Кулака сияла милая, добрая улыбка. Глаза увлажнились, на щеках появился лёгкий румянец. Каждый раз, стоило Кхалис пережить первые минуты встречи, в конце концов счастье заполняло её от нежности, с которой принимают в родном доме.

– Спасибо, мама.

Девушка вошла в дом. Её тот же миг обдало теплом и светом. Женщина, которая являлась для Кхалис родной матерью и, которую звали Самни, ещё несколько раз злобно шикнула на своего мужа и вошла следом. Агнан же, родной отец Кхалис, закрыл за женой дверь и немного задержался на улице. Он был разгневан, но бессилён. Чтобы не связывало его и дочь, взрослый мужчина не смел пойти наперекор жены. Между Самни и Агнаном всегда были тёплые, уважительные отношения. И мужчина понимал: сердце матери так же слепо, как и наполнено любовью к детям. Да и помимо прочего, туша волка требовала внимания. Не гоже оставлять разлагающееся мясо посреди двора.

В доме, Самни помогла дочери снять плащ и сапоги. Разумеется, Кхалис была более чем самостоятельна справиться с такой задачей, но женщина с благоговением порхала вокруг неё. Самни всё отлично понимала. Она знала, кем стало и являлось её чадо. И вероятно, женщина

осуждала лучницу. Даже плакала по ночам, ведь она растила ребёнка и воспитывала не так и не для того, чтобы ребёнок стал бандитом. Который обижает и грабит фермеров, которыми и являлись её родители. Но разве можно винить Самни в безоговорочной любви к родной крови? Разве можно ожидать от неё проявления здравого смысла?

– Кхалис! – Раздался юный и звонкий голос, заполнивший всё нутро хижины.

Прямоком из кухни в прихожую выскочила совсем юная, лет двенадцати, особа. Худая и светлокурая девица радостно завопила при виде лучницы и бросилась в её объятия. Кхалис казалась не менее радостной. Две девушки крепко обнялись. Не смотря на разницу в возрасте, они были очень похожи друг на друга. Словно не сёстры даже, а близнецы. Если бы не разница в возрасте.

– Даниса. Ты растёшь так быстро, что я не успеваю запомнить тебя. – Кхалис игриво потрепала девочку по голове.

– Нам просто нужно чаще видеться. – Даниса подмигнула лучнице. – Я так рада тебя видеть, сестрица!

– Ну всё, всё. Дай сестре придти в себя с дороги. Давай, идёмте на кухню. У нас тут вовсю кипят ягоды, ты уж прости. Кхалис, пожалуйста, присаживайтесь за стол. Я найду чем его накрыть. И приструни сестру. У неё ноги пускаются в пляс, даже когда она спит.

Самни открыла двери на кухню и все трое прошли внутрь. Кхалис вновь обдало теплом. Но сейчас, скорее всё-таки жаром. В помещение было очень уж жарко и влажно. Даниса поскорее закрыла двери за гостьей.

– Просто она растёт, мама.

– От этого уже не легче. С тобой было просто. И мы были моложе. А сейчас что? С этой дергуньей уже нет сил. Вот так отправишь её поливать грядки, а сама весь день то фрукты собираешь, то на кухне тут, с ума сойти можно. Отец дрова рубит, или в лес уйдёт. А к вечеру что? Ничего не полито. Девочка увлеклась, заигралась, а ей ведь ещё внимание подавай. А мы не просто устали, так ещё и за неё доделывать надо. Где сил то набраться?

Самни поставила на стол небольшую чашу, накрытую крышкой. Открыв её, наружу повалил запах тушёного риса с помидорами, грибами и орехами. Кое где проглядывали мелкие кусочки свинины.

– Мааам. – Протянула младшая дочь недовольно.

– Она подросток. И её светлая головушка не готова ещё представить себя на вашем месте. Это сложно. Но вы знаете, что она ребёнок. А она, что вы... Уже не молоды, нет.

– Я вообще-то здесь.

– Вчетвером было бы проще, конечно. – Сказала и тут же замолчала Самни, как бы почувствовав себя виноватой за давление. Остальные решили не развивать эту тему.

– Вы уже варите варенье. – Прервала тишину своим замечанием Кхалис.

– И днём и ночью. С животинной у нас всегда было туго. Да и ты знаешь. А северяне дерут с нас втрое дороже, чем торгуют с Эрэндином.

В углу дома была сложена кирпичная конструкция – огромная печь от пола до потолка. Кастрюли стояли на железных прутьях, а в яме горел огонь. У печи были две металлические пластины и обе выдвижные. Одна, маленькая, перекрывала трубу под самым потолком. При готовке её открывали, чтобы дать выйти дыму. Но внутри хижины старались не готовить, особенно в тёплое время года. От этого становилось невыносимо жарко во всём доме. Фермеры Южной Фелестины готовили с улицы, но на той же самой печи. Для этого имелась вторая металлическая пластина на всю длину печи. Её открывали снаружи и получали доступ со двора. Здесь же очищали печь от золы и угля и заправляли дровами.

– Хорошо ещё ты приносишь с охоты дичь.

– Что там той дичи, мама.

– Ну-ну, какая бы ни была. Обеззараживать морока, но и то хорошо. Давайте, накладывайте в тарелки. – Самни и сама устроилась за столом, помогая насыпать кашу по чашкам.

Все трое улыбались. Всем троим было хорошо друг с другом, они чувствовали себя семьёй. Хотя между ними и были недоговорённости. Разумеется, Самни отлично знала, кем была Кхалис. И разумеется, мать не поддерживала дочь. А кто же станет. То, что её кровинушка стала разбойником, тяготило женщину и даже подкосило здоровье. Их семья и без того живущая далеко от фермерских деревень и вовсе лишилась дружеских отношений с соседями. Самни и Агнан были изгоями. Даниса вместе с ними. У маленькой девочки не было возможности завести знакомств среди сверстников, родители которых запрещали общаться с той, чья старшая сестра приходила их грабить. Но то были переживания матери с отцом. Сама же Даниса не сильно тревожилась. Она росла и ждала того дня, когда Кхалис заберёт её с собой. Лучница была примером для девочки. Подобные настроения же не были секретом для родителей, что само собой лишь усугубляло общую атмосферу в доме. И если разобраться, то не смотря на все маски, которые носила Самни, приветливо встречая Кхалис на пороге, эта семья гнила. И каждый винил Агнана.

Посреди трапезы, за которой женщины говорили за погоду и дела на ферме, старательно огибая тему бандитизма, отец прошёл на кухню. Он сел за стол, а жена наполнила его тарелку едой. Глядя на злое лицо Агнана, женщины замолчали. Даниса побаивалась отца и недолюбливала. Он всегда был чрезвычайно строг, не желая того, чтобы младшая дочь пошла по стопам старшей. Строгость и суровость Агнана, правда, не помогала. Кхалис то же не любила отца. Он буквально отказался от неё, когда та ушла в Железный Кулак. Агнан называл лучницу предателем и мерзкой тварью, не гнушающейся грабить и убивать беззащитных. Кхалис, которой всю её жизнь катастрофически не хватало внимания и до сих пор, тоже чувствовала себя преданной. От чего она забыла всё то хорошее, что было в её детстве, желая отцу скорой кончины от какой-нибудь болезни. Да и Самни винила Агнана во всех бедах семьи. Да, их связь как жены и мужа была крепкой. Их объединял совместный быт, в котором они всегда поддерживали друг друга. И да, сама Самни проводила бессонные ночи от того, кем была её дочь. Но всё-таки дочь. И женщина не смогла простить и забыть, как Агнан отвернулся от Кхалис. Он запрещал ей приходить домой. Он убеждал Самни отречься от дочери! Прогнать её из своей жизни! Поставить на ней крест. Разве это нормально?

– Мы ведь уже ели. Зачем этот полночный ужин?

– Перестань. Дочка заглянула в гости. Как же не накормить?

– Так мы и так её каждый день кормим, чуть ли не переставая. Что же ты думаешь, она голодная? По-твоему, чем они там питаются, у себя? Не тем ли, что выращиваем мы?

– Агнан! – Строго остановила мужа Самни. Во всяком случае, попыталась.

– Железный Кулак ничего у вас не взял. Ни разу. И никогда не посмеет. – Вступилась за саму себя Кхалис. Она, в отличие от Данисы не боялась отца. И всё, что останавливало её от расправы, это мать.

– Вот как ты считаешь? Что ты герой нашего дня? Этого и всех что были и будут? Ты спасла нас от разбойников, я так полагаю? И мы, как ты уже подметила, хорошо живём в отличие от остальных фермеров Фелестины?

– Пап. – Даниса сочла необходимостью поправить отца. Ведь он точно не понимал самого главного, столь очевидного ей. – Кхалис имеет в виду, что бандиты не придут к нам и не сделают вреда. Мы должны сказать ей спасибо.

– Ты, наверное, много понимаешь. Уж помолчи, или отправись в кровать. – Агнан угрожающе посмотрел на младшую дочь. Та решительно заткнулась.

– Не разговаривай так с ней. – Кхалис притянула сестру к себе, встав на её защиту. И Агнану пришлось это принять. Он бы хотел оградить Данису от Кхалис, но в глубине души переживал за семью. Мужчина не мог сказать наверняка, способна ли лучница на самое ужас-

ное, если встретит активное сопротивление. – А ведь она права. Это благодаря мне, вы не знаете всех ужасов, которые происходят, когда бандиты наведываются к фермерам. Как бы ты пережил, если бы куча грубых, неотёсанных мужиков избивали тебя на глазах у жены и дочери? Как бы пережил, если бы у тебя забрали все ваши припасы? Затаптали бы куриц? Вы и так раз в месяц позволяете себе мясо. А ведь это я добываю его вам. Но разве я хоть раз услышала благодарность?

– Дочка, конечно мы благодарны. – Отозвалась Самни, но Кхалис словно не обратила внимания. Напряжение за столом стремительно накалялось.

– Как бы ты пережил, если бы твой дом сожгли, оставив без крова? Если бы на твоих глазах, пока твои руки и ноги держали бы разбойники, другие насильовали бы жену и дочь?

Прямо через весь стол пронеслась мужская рука. С громким звоном, Агнан вручил Кхалис пощёчину. Возникшая резкая боль тут же раздражила кровь в жилах лучницы, но она, однако, лишь подняла на отца гневные глаза. Самни и Данис молчали, сжавшись на своих местах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.